

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



36 2025
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (587) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Григорьевич Столетов* (1839–1896), русский физик.

Будущий ученый родился в 1839 году в купеческой семье в старинном городе Владимире. Его отец, Григорий Михайлович Столетов, владел бакалейной лавкой, кожевенной артелью, а также садами и огородами. Мать, Александра Васильевна Полежаева, также происходила из купеческого сословия. Кроме Александра, в семье было ещё пятеро детей: его братья Василий, Николай, Дмитрий, сёстры Варвара и Анна.

Неординарные способности мальчика проявились очень рано: в четыре года он научился читать, с детства проявлял большую любовь к классической русской литературе и музыке, быстро освоил французский язык.

Александр учился во Владимирской гимназии, преуспевая по всем предметам. После 5-го класса он все больше увлекался математикой и физикой, сам мастерил всевозможные устройства и приборы, проводил опыты. Повзрослев, решил поступать на физико-математический факультет Московского университета.

В 1860 году Александр Столетов с отличием закончил университетский курс и получил стипендию на двухлетнюю стажировку в Европе. Он решил ехать в Гейдельбергский университет. Он посещал лекции Вильгельма Вебера и Лотара Мейера в университете Гёттингена. В Гейдельберге молодой ученый прошел физический практикум в лаборатории Кирхгофа. Между учеником и учителем завязалась тесная дружба, продлившаяся вплоть до смерти немецкого академика. В Россию Столетов вернулся с прекрасной подготовкой и жадной открытий, пробыв за границей три с половиной года вместо двух.

В феврале 1866 года ученый приступил к чтению лекций по физической географии и математической физике в Московском университете — постоянном месте работы Столетова вплоть до последних дней его жизни. Вместе с лекциями шла подготовка к магистерской диссертации по теме «Общая задача электростатики и ее приведение к простейшему случаю». Не имея в распоряжении физической лаборатории, Столетов решил сосредоточиться на теоретических вопросах: его занимала проблема распределения электрических зарядов на проводниках, изолированных друг от друга. Вывод Столетова состоял в том, что принцип Морфи — Томсона применим для какого угодно количества проводников.

В 1869 году молодой физик блестяще защитил свои тезисы и стал доцентом Московского университета. Работа «Исследование о функции намагничивания мягкого железа» принесла Столетову степень доктора наук, и в то же время его утвердили ординарным профессором университета.

В 1872 году усилиями Столетова и других профессоров физики в Москве была основана научно-исследовательская лаборатория, а в 1873 году в Петербурге учрежден «Журнал Физико-химического общества», ставший

главным органом, освещавшим деятельность российских ученых. Столетов стал его постоянным автором.

В 1876 году после доклада о работе по определению коэффициента пропорциональности между электромагнитными и электростатическими единицами Александра Григорьевича Столетова избрали неперменным членом Общества любителей естествознания. В конце 1882 года Столетов возглавил кафедру опытной физики и принял энергичные меры по повышению качества образования в Московском университете. Он кардинально переоборудовал аудитории, увеличил количество оборудования, заново составил лекционные курсы. Студенты, учившиеся у Столетова, признавали в нем первоклассного лектора, но чрезвычайно строгого экзаменатора.

В 1888 году, невзирая на занятость преподаванием, Столетов возобновил научную работу. В центре его внимания оказались актино-электрические явления, теперь называемые фотоэлектрическими. После открытия Генрихом Герцем в 1887 году явления фотоэффекта, оставшегося без объяснения, этой темой вплотную заинтересовался Столетов.

Применив новую методику использования так называемого сетчатого, или абсолютного, конденсатора, Столетов получил удивительные результаты. Он констатировал, что при освещении сплошного диска ультрафиолетом ток протекает между дисками, несмотря на наличие воздушного зазора. Стекланный баллон с кварцевым окошком и электродами внутри — один из ключевых приборов эксперимента — стал первым в мире фотоэлементом. Как выяснилось через десятилетие, в 1899 году, фотоэффект возникал вследствие вырывания электронов с поверхности под действием света. Побочным Столетов выявил, что различные материалы обладают различной чувствительностью к фотоэлектрическому воздействию. Несколько других важных подробностей этого исследования он изложил в монографии 1889 года «Актинно-электрические исследования».

Доклады о своих открытиях, прочитанные Столетовым в 1889 году в Париже, принесли профессору европейскую известность.

Ученый не имел собственной семьи, отдавая все свои душевные и физические силы науке, университету, близким и родственникам. В дружеском кругу Столетов нередко играл на фортепиано.

В ночь на 15 мая 1895 года великий физик скончался во сне. По решению родственников ученого похоронили в его родном Владимире.

Именем Столетова названы кратер на обратной стороне Луны и Владимирская лингвистическая гимназия. С 2009 года имя Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых носит Владимирский государственный университет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алиев А. Н. Проблемы дифференциации дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих: пути законодательного решения	61	Кожина А. О. Государственное управление в сфере защиты прав несовершеннолетних: преимущества и недостатки.....	91
Алиев Б. Х. Оборотоспособность цифровых прав	65	Коломоец С. С. Некоторые проблемы квалификации организации преступного сообщества	93
Артеменко А. В. Особенности государственной службы в Федеральной службе судебных приставов.....	67	Крупина Е. М. Теоретические основы уголовно-процессуальных отношений в стадии исполнения приговора: понятие, основания возникновения, содержание.....	95
Атик М. Г. Актуальные проблемы гражданского оборота культурных ценностей	70	Кудрявцев А. П. Актуальная оценка состояния экологической безопасности	98
Ахмедова С. А. Право граждан на достойный уровень жизни и его реализация в сфере социального обеспечения.....	72	Муртузов Д. Ф. Искусственный интеллект при проведении экспертизы: роль, особенности	100
Воинкова Т. П. Актуальные проблемы уголовно-правового регулирования незаконного оборота оружия...	74	Нестерук Е. В. Эволюция референдумов в Советском Союзе и Российской Федерации	103
Волокитина Ю. Е. Особенности методики расследования преступлений, предусмотренных статьей 222 УК РФ	77	Нестерук Е. В. Всенародное обсуждение законопроектов в субъектах Российской Федерации и на федеральном уровне в 2010–2024 гг.....	105
Демидова Ю. А. Понятие, значение и классификация принципов административного судопроизводства в Российской Федерации	82	Николаева М. В. Роль суда в защите экологических прав граждан	108
Жунусова Л. Б. Современные мировые реалии и проблемы искусственного интеллекта в законодательстве	85	Пак Ю. М. Правовые разрешения и предотвращения корпоративных конфликтов.....	112
Захарченко Н. А. Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени	87	Пиленкова Е. Д. Историческое развитие понятия гражданско-правового договора в цивилистической науке	115
Канкулов И. Б. Административное правонарушение и преступление: основания разграничения.....	89	Пиленкова Е. Д. Договор в гражданском праве Российской Федерации: вопросы теории и правоприменительной практики	117

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы дифференциации дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих: пути законодательного решения

Алиев Али Нариманович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих. Отмечаются пробелы в законодательстве и противоречия судебной практики, предлагаются пути их законодательного решения.

Ключевые слова: воинская дисциплина, дисциплинарная ответственность, уголовная ответственность, воинские преступления.

Поддержание воинской дисциплины является неотъемлемым условием обеспечения боеспособности Вооружённых Сил и иных воинских формирований Российской Федерации.

Законодательство устанавливает различные формы юридической ответственности военнослужащих за нарушения установленного порядка прохождения службы, включая дисциплинарную и уголовную.

Например, на опоздание на построение применяется взыскание в виде выговора или строгого выговора. В случае нарушения правил внутреннего распорядка (например, появление вне формы одежды) — возможно назначение ареста на гауптвахте сроком до 10 суток. В случае невыполнения приказа в быту (например, отказ убрать помещение) военнослужащий может получить лишение увольнения из части на выходные дни. Также, если военнослужащий проявляет грубость по отношению к сослуживцам или младшим по званию, то к нему применяется предупреждение о неполном служебном соответствии.

Разглашение служебной информации, не содержащей государственной тайны влечет наложение строгого выговора или временное отстранение от военной должности.

Однако на практике разграничение между этими двумя видами ответственности вызывает значительные сложности. Как подчёркивает В. В. Палий, отсутствие чётких критериев разграничения дисциплинарных и уголовных проступков создаёт правовую неопределённость и нарушает принципы справедливости [1].

Часто одни и те же деяния могут трактоваться либо как дисциплинарный проступок, либо как уголовно наказуемое деяние, что создаёт риски необоснованного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности.

Особенно остро проблема разграничения видов ответственности проявляется в условиях частичной мобилизации и проведения специальной военной операции. Эту тенденцию также анализируют Васильева Е.Г и Кострова М. Б. [2].

Количество дисциплинарных и уголовных дел в отношении военнослужащих заметно возросло, что потребовало пересмотра сложившихся подходов в правоприменительной практике. При этом усиливается необходимость защиты прав военнослужащих от неправомерного уголовного преследования при совершении деяний, не представляющих существенной общественной опасности. Возникает задача адаптации существующих правовых механизмов к новым условиям функционирования армии, с учётом изменения характера военной службы и возрастающей нагрузки на военно-следственные органы.

Актуальность темы усиливается также в связи с реформами законодательства о военной службе, проведёнными в последние годы, а также с практикой применения норм в новых социальных и политических условиях. Вопросы соотношения дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих становятся предметом обсуждения как в научной литературе, так и в практике Конституционного Суда Российской Федерации [3], Верховного Суда Российской Федерации [4].

Целью данной статьи является выявления основных проблем в разграничении дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих, анализе правоприменительной практики и предложения возможных путей законодательного разрешения обозначенных коллизий.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих регулируется, прежде всего, Дисциплинарным уставом Вооружённых Сил Российской Федерации [5], утвер-

ждённым Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495. В соответствии с уставом, дисциплинарными проступками признаются виновные противоправные действия (бездействие), выражающиеся в нарушении воинской дисциплины, за которые военнослужащие несут ответственность в виде дисциплинарных взысканий.

Уголовная ответственность, в свою очередь, предусмотрена главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против военной службы». В отличие от дисциплинарной, она применяется в случае совершения деяний, обладающих признаками общественной опасности, выражающейся в подрыве воинской дисциплины, порядка подчинения и готовности к выполнению боевых задач.

А. Баженов в своей статье анализирует основные критерии разграничения дисциплинарных проступков и уголовных деяний военнослужащих, такие как характер противоправности и общественная опасность деяния. [6],

Различия между двумя видами ответственности заключаются в:

- Юридической природе деяния: дисциплинарный проступок — дисциплинарный проступок представляет собой нарушение правил внутреннего порядка и воинской дисциплины, не причиняющее значительного общественного вреда, преступление же является общественно опасным деянием, посягающим на охраняемые уголовным законом отношения.

- Процедуре привлечения к ответственности: дисциплинарная ответственность реализуется в дисциплинарном порядке — в пределах полномочий командования, уголовная ответственность наступает в результате уголовного преследования, осуществляемого следственными органами и рассматриваемого в суде.

- Последствиях: дисциплинарное взыскание не влечёт судимости и не имеет статуса уголовного наказания, уголовное наказание влечёт судимость и влечёт более серьёзные ограничения прав.

- Характере санкций: дисциплинарные меры предполагают взыскания (выговор, арест и др.), а уголовные — наказания (штраф, лишение свободы, дисквалификация и др.).

Учет при повторных нарушениях:

- дисциплинарные взыскания не всегда учитываются при повторных проступках,

- судимость влияет на квалификацию преступления при рецидиве.

Тем не менее, несмотря на формальные различия, на практике четкой границы между дисциплинарным проступком и преступлением часто не наблюдается, что порождает проблемы правовой определенности.

Проблемы разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности, которые были мной обозначены ниже часто пренебрегаются поскольку в армии главное — дисциплина и подчинение, а не права конкретного военнослужащего. Из-за этого нарушения часто сразу карают по уголовной статье, даже если можно было обойтись

дисциплинарным взысканием. Командование и следствие действуют быстро, не всегда вникая в детали ситуации. Законы написаны неясно, поэтому их легко толковать как удобно. Суды обычно поддерживают сторону командования, особенно в военное время. А сами военнослужащие и их защитники не всегда могут защитить свои права, поэтому многие спорные случаи просто не доходят до обжалования.

Так, одной из ключевых проблем является отсутствие в законодательстве четких критериев, позволяющих отграничить дисциплинарный проступок от более серьезного преступления. Это особенно ярко проявляется при квалификации таких деяний, как самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ).

Например, в части 1 статьи 337 УК РФ установлена уголовная ответственность за самовольное оставление части сроком свыше двух суток, но не более десяти суток. Однако если военнослужащий отсутствовал менее двух суток, это считается дисциплинарным проступком. Возникает вопрос: действительно ли два дня являются объективным критерием общественной опасности, либо это условная граница? Практика показывает, что в ряде случаев короткие по продолжительности отсутствия влекут серьезные последствия, в то время как более длительные могут не иметь таковых. Это свидетельствует о необходимости пересмотра формальных критериев и привязки их к реальной опасности деяния.

Так, в одном из дел, рассмотренных Самарским гарнизонным военным судом, военнослужащий был осужден по части 3.1 статьи 337 УК РФ за самовольное оставление части на срок свыше одного месяца в период мобилизации. Суд назначил наказание в виде лишения свободы на срок 2 года исправительной колонии общего режима [7].

В судебной практике встречаются случаи, когда отсутствие военнослужащего вне части с введом командования не признается преступлением по статье 337 УК РФ. Однако такие случаи требуют индивидуального рассмотрения с учетом всех обстоятельств дела, так как в важную роль играют также обстановка, в которой произошло деяние, мотивы военнослужащего личные, семейные обстоятельства, психоэмоциональное состояние и последствия самовольного оставления службы для боевой готовности подразделения.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 разъясняется, что самовольным считается оставление части или места службы без соответствующего разрешения командира (начальника). Таким образом, если военнослужащий отсутствует в части с разрешения или введом командования, это может рассматриваться как отсутствие состава преступления по статье 337 УК РФ [8].

Таким образом, правоприменительная практика всё чаще требует учитывать совокупность факторов, а не ограничиваться только формальными сроками отсутствия, закреплёнными в статье 337 УК РФ.

Кроме того, затрудняет разграничение и отсутствие в законодательстве чётких ориентиров на характер вины, мотивы поведения военнослужащего и наступившие последствия. При одинаковой продолжительности отсутствия поведение военнослужащего может существенно различаться по степени общественной опасности в зависимости от конкретных обстоятельств: например, оставление части в условиях боевых действий или накануне выполнения боевой задачи объективно представляет гораздо большую угрозу, чем самовольное оставление в период несения хозяйственных или тыловых обязанностей.

Другая проблема связана с тем, что командиры и следственные органы обладают широким усмотрением при оценке степени общественной опасности поступка. Это порождает правовую неопределённость и возможность двойных стандартов. Одно и то же поведение военнослужащего в одних случаях рассматривается как дисциплинарное нарушение, а в других — как преступление, в зависимости от контекста, отношения командования или позиции следователя. В таких условиях решения часто принимаются не на основе объективных критериев, а исходя из текущих задач по поддержанию порядка или демонстрации жёсткой реакции. Это подрывает доверие к правоприменительной системе, снижает предсказуемость последствий для военнослужащих и способствует репрессивному уклону в квалификации их действий.

Правоприменительная практика по делам о преступлениях против военной службы крайне неоднородна. Одни суды склонны трактовать спорные случаи в пользу дисциплинарной ответственности, другие — признают состав преступления при минимальной продолжительности нарушения. Так, в судебных актах по делам о самовольном оставлении части часто отсутствует анализ мотивов, обстоятельств и характера деяния, что противоречит принципу индивидуализации ответственности.

Современная модель регулирования также не позволяет использовать промежуточные меры воздействия на военнослужащего — между дисциплинарным взысканием и уголовным наказанием отсутствуют гибкие правовые инструменты, что снижает эффективность воздействия на поведение военнослужащих и влечёт перегрузку уголовной сферы.

Сложности разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности подтверждаются разнообразием подходов в судебной практике. Так, в Обзоре судебной практики [9] Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 2021 года указано, что при рассмотрении дел, связанных с самовольным оставлением части, суды не всегда учитывают мотивы поведения обвиняемого, наличие уважительных причин и длительность отсутствия, что нередко приводит к уголовному преследованию лиц, не представляющих реальной общественной опасности.

Примером может служить дело военнослужащего, который отсутствовал в части менее 4 суток, но был привлечён к уголовной ответственности, несмотря на при-

знание вины, наличие малолетнего ребёнка и тот факт, что он вырос без родителей. Суд не учёл доводы защиты, ограничившись формальной квалификацией по части 1 статьи 337 УК РФ. Данный пример иллюстрирует недостаточную гибкость правоприменения и необходимость более чёткого нормативного разграничения [10].

Также в практике нередко встречаются случаи, когда дисциплинарный проступок квалифицируется как преступление исключительно из соображений «предупреждающего воздействия» на других военнослужащих, что противоречит принципу индивидуализации наказания и провоцирует правовой нигилизм в военной среде.

С учётом обозначенных проблем, целесообразно рассмотреть следующие меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Например, уточнение критериев разграничения ответственности в уголовном законе. Необходимо нормативно закрепить дополнительные признаки преступления, выходящие за рамки лишь количественного показателя (например, срок отсутствия). Среди таких признаков могут быть: наличие умысла на нарушение порядка, последствия деяния, отношение военнослужащего к своим обязанностям, степень нарушенной дисциплины.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ может также помочь, так как систематизация судебной практики и официальное разъяснение порядка разграничения преступлений и проступков в сфере военной службы помогут устранить правовую неопределённость. Аналогичные разъяснения уже применяются по иным видам преступлений (например, в сфере экономической деятельности) [11].

Дальше, разработка института «альтернативной ответственности» Предлагается ввести промежуточные меры воздействия на военнослужащих, например, условно-уголовные дисциплинарные взыскания, обязательные программы перевоспитания в рамках дисциплинарных батальонов. Такие меры могли бы применяться в случае незначительных правонарушений без возбуждения уголовного дела.

Возможно также законодательно усилить значение мнения командира части при оценке тяжести деяния. Это повысит эффективность системы внутреннего контроля и позволит оперативнее реагировать на правонарушения без лишней криминализации.

Зарубежный опыт разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности тоже должен быть принят во внимание. Изучение законодательства и практики иностранных государств позволяет выявить полезные подходы к разграничению ответственности военнослужащих. В ряде стран существует чёткое институциональное разграничение дисциплинарной и уголовной юрисдикции.

Например, действует система военных дисциплинарных судов, рассматривающих исключительно дисциплинарные проступки, что исключает автоматическую криминализацию. Эта модель способствует разграничению правовых последствий за проступки различной

тяжести, минимизируя риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности [12].

В некоторых странах функционирует Единый кодекс военной юстиции (ЕКВЮ) [13], в рамках которого предусмотрена возможность альтернативных мер воздействия — от выговора до ареста без внесения судимости. Это позволяет более точно соотносить тяжесть проступка с характером санкции, сохраняя за военнослужащим право на дальнейшее несудимое существование и профессиональное развитие.

Отдельного внимания заслуживает модель, в которой дисциплинарные меры чётко ограничены временными рамками, а уголовное преследование начинается только при наличии устойчивых нарушений или рецидива. Этот подход повышает предсказуемость правоприменения и исключает субъективизм.

Адаптация элементов зарубежного опыта в российскую практику требует учёта национальных особенностей, в том числе исторически сложившейся роли армии в обществе и специфики российского правового регулирования. Вместе с тем внедрение разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности, развитие институтов дисциплинарного производства и усиление процессуальных гарантий могут способствовать формированию более сбалансированной, справедливой и эффективной модели военной юстиции в России.

Стоит также уделить внимание психологическим и социальным аспектам применения дисциплинарных и уголовных мер. Правовая реакция на поведение военнослужащего должна учитывать не только формальные

признаки деяния, но и его личностные, психологические особенности. Жёсткие меры, непропорциональные степени вины, могут вызывать у военнослужащих чувство несправедливости, демотивацию и утрату доверия к институтам военного управления. Особенно это актуально в стрессовых условиях боевого дежурства или выполнения задач в зоне конфликта. Наличие системы профессиональной психологической оценки и консультирования [14] могло бы стать фильтром при выборе формы ответственности: дисциплинарной или уголовной.

Кроме того, учёт социального контекста (семейные обстоятельства, проблемы адаптации, командные конфликты) должен получить нормативное закрепление.

В условиях повышения значимости воинской дисциплины и увеличения числа военнослужащих в условиях мобилизации и проведения специальных операций проблема разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности приобретает особую актуальность. Отсутствие чётких правовых критериев и единообразной практики ведёт к нарушению принципов справедливости и законности. В целях оптимизации правоприменения и укрепления правовой защищённости военнослужащих необходимо реформирование уголовного законодательства и развитие системы разъяснений со стороны Верховного Суда РФ. Реализация предлагаемых мер позволит не только повысить правовую определённость и предсказуемость правоприменения, но и укрепит доверие военнослужащих к командованию и судебной системе. В условиях внешнеполитической нестабильности и расширения мобилизационного ресурса это является задачей первоочередной важности.

Литература:

1. В. В. Палий. Преступления и проступок: проблемы соотношения // Теоретические проблемы отраслей права — 2017. — № 7- с.112–124]
2. Васильева Е. Г. Кострова М.Б, Вопросы правовой специфики и применения Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» //Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 1(75). — С. 181–195.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2017 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений ряда норм, регулирующих дисциплинарную ответственность военнослужащих
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) по вопросам применения законодательства о военной службе.
5. Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495).
6. Баженов А. Вопросы отграничения преступлений против военной службы от грубых дисциплинарных проступков // Право в Вооруженных Силах. — 2009. — № 5.]
7. Апрель 2023: судебная практика по статьям 332, 337 УК РФ //Комитет военных юристов. — 2023. — URL: https://warlaw.ru/novostdetalno_svgb_4_62/ (дата обращения: 4 мая 2025 г.)
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1786372/> (дата обращения: 04.05.2025).
9. Обзор судебной практики по делам, связанным с преступлениями против военной службы / Судебная коллегия по делам военнослужащих ВС РФ. 2021 г.
10. См.: Самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ) // SmartPravo. URL: <https://smartpravo.com/blog/112-samovolnoe-ostavlenie-chasti-st-337-uk-rf> (дата обращения: 27.04.2025).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19.
12. Туганов Ю.С., Чухрачева М. С. Особенности производства по материалам о дисциплинарных проступках военнослужащих в зарубежных странах: на примере США и ФРГ // КиберЛенинка. Электронный научный журнал. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proizvodstva-po-materialam-o-distsiplinarnyh-prostupkah-voennosluzhaschih-v-zarubezhnyh-stranah-na-primere-ssha-i-frg/viewer> (дата обращения: 27.04.2025).
13. Даниилов П. С. Понятие и виды воинских преступлений по законодательству зарубежных стран (США, Великобритания, Франция, Германия) // Молодой ученый. — 2014
14. Кудашкин А. М. Баляев С. И. Особенности психологической устойчивости военнослужащих к деятельности в сложных условиях // Наука в жизни и человека. — cyberleninka, С. 10.

Оборотоспособность цифровых прав

Алиев Бувади Хасанович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает правовое положение цифровых прав, выделяет их характеристики, которые влияют на оборотоспособность. Также проводится анализ научных точек зрения и правоприменительной практики, которые указывают на недостатки закрепленного понятия в законодательстве.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровые права, оборотоспособность гражданских прав, защита цифровых прав.

Правовое регулирование оборотоспособности объектов гражданских прав устанавливается в ст. 129 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ). Существующее законодательство закрепляет свободный оборот объектов гражданских прав, который может быть ограничен законом.

Положения данной статьи, как в целом и все регулирование законодательства в области объектов гражданских прав, является довольно устоявшимся и существующим десятки лет, с некоторыми изменениями. Вместе с этим, цифровые технологии стремительно развиваются, что порождает возникновение новых объектов гражданских прав, для которых законодательство не всегда адаптировано.

Цифровые права — один из ярких примеров развития гражданского оборота, которому необходимо дополнительное регулирование и развитие законодательства. В 2019 году в нормах ГК РФ появилась новая отдельная статья, которая закрепила появление нового вида объекта гражданского оборота «цифровые права».

Общая норма об оборотоспособности не выделила цифровые права как особый объект прав, по аналогии с результатами интеллектуальной деятельности. Вместе с этим, буквальное толкование ст. 141.1 ГК РФ позволяет сделать вывод об ограниченном характере оборота цифровых прав.

В научной среде такая трансформация законодательства была воспринята положительно, указывая на динамичный и актуальный характер реформирования. Так, например, Л. В. Ладочкина в своем исследовании подчеркивает: «Внесение данной нормы, бесспорно, является положительным моментом, поскольку это первое гражданско-правовое регулирование цифровых отношений, оно способствует введению данного объекта в оборот, уста-

навливает правила распоряжения им, обеспечивает защиту субъектам гражданских прав, которые совершают сделки с цифровыми ресурсами» [1].

Такая точка зрения также подчеркивает возможность защиты. Действительно, выделение такого объекта автоматически говорит о возможности применения мер защиты гражданского права, если оно будет нарушено.

Несмотря на актуальность таких законодательных изменений, существование дефиниции цифрового права в законе не до конца определило вопрос его оборотоспособности, что исходит из круга таких цифровых прав.

Законодательная формулировка следующая: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Именно такая формулировка вызывает большое количество вопросов и споров, как в практической среде, так и в научных исследованиях.

Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова говорят о неудачности выбранной формулировки, которая фактически говорит об «особом способе фиксации, влияющий на свойства закрепленного права» [2].

В. Н. Гаврилов также подчеркивает схожесть цифровых прав и уже существующих в российском законодательстве электронных документов [3].

М. А. Рожкова даже говорит о том, что такая редакция, которая фактически лишила возможности применения особой цели при выделении цифровых прав как объекта, сделало неактуальным существование всей нормы [4].

Обилие критики в научных исследованиях подчеркивают неудачный подход законодателя к определению цифровых прав, которые, с одной стороны, стали новым объектом, в отношении которого закрепляется ограниченная оборотоспособность, а, с другой стороны, есть указание на необходимость их закрепления — как части информационной системы, которой и будет определен порядок обращения таких объектов.

Их ограниченный характер оборотоспособности исходит из всех тех законодательных ограничений, которые установлены ст. 141.1 ГК РФ. Анализ законодательных положений позволяет выделить такие ограничения:

- должны быть названы в качестве таковых в законе;
- необходимо их закрепление в информационной системе;
- в информационной системе должно быть определено содержание и условия осуществления цифровых прав;
- обладателем цифрового права признается лицо, которое может им распоряжаться согласно правилам информационной системы, однако, вместе с этим, обладателем такого права может признаваться и иное лицо, что существенно ограничивает оборотоспособность и, зачастую, вводит в заблуждение;
- вместе с тем, когда основанием перехода цифрового права является сделка, согласие обязанного по такому праву лица на переход не требуется, о чем указано в ч. 3 ст. 141.1 ГК РФ.

Правоприменительная практика уже столкнулась со сложностью применения таких норм.

Литература:

1. Ладочкина Л. В. Цифровые права как объекты гражданских прав // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 года. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. — С. 169–172.
2. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
3. Гаврилов В. Н., Захарова О. А., Исмаилов Э. Ш. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 56–59.
4. Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // [Электронный ресурс] Закон.ру. 2020. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/8/17/cifrovy_e_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 № 11АП-1617/2022 по делу № А65-16901/2020 // [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=203140&cacheid=E097F6237AF12583177F4F3376930689&mode=splus&rnd=J0niuA#pYMnBnUeFw1FqIBr>

Так, Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом рассматривалось дело по спору между ООО «Баррель» и Ивановой А. М. об обязанности передать документы и ценности, среди которых были доступы в социальную сеть общества. В качестве своих доводов общество ссылалось на то, что аккаунты в социальных сетях создавались и велись от имени общества, ведение указанных аккаунтов носило корпоративный характер, а не в личных целях ответчика — Ивановой А. М.. Иванова же, говорила о том, что создание аккаунтов и их администрирование производилось ей по собственной инициативе, при создании вводились ее персональные данные, следовательно, информация, которая содержится в аккаунте, принадлежит ей лично. Кроме того, работа в рамках продвижения аккаунта велась до начала работы самого магазина и до того, как Иванова стала одним из участников общества, что также подчеркивает ее право на аккаунт, как на цифровое право, исходя из положений ст. 141.1 ГК РФ.

Как видно из приведенного дела, фактически точки зрения ответчика — Ивановой, вполне доказана, что не отмечает и позицию общества, а также использование символики общества в аккаунте. Отметим, что окончательное решение было принято в пользу Общества [5].

Рассмотренный выше спор свидетельствует о том, что правила электронной платформы может существенно нарушать иные законодательные предписания, что обособливает решение суда, но не отменяет двойственную природу нормы статьи 141.1 ГК РФ, которая не дает однозначного понимания всех проблемных аспектов оборотоспособности цифровых прав.

На основании вышесказанного необходимо отметить, что оборотоспособность цифровых прав определяется положениями ст. 141.1 ГК РФ. Однако формулировка существующей нормы вызывает споры как в научных трудах, так и в правоприменительной практике.

Особенности государственной службы в Федеральной службе судебных приставов

Артеменко Александр Викторович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках данной статьи рассмотрены особенности государственной службы в Федеральной службе судебных приставов. В статье дается характеристика тому положению, которое ФССП занимает в системе органов власти, рассматриваются основные особенности поступления на службу, а также ее прохождения. Также в рамках данной статьи рассматриваются актуальные проблемные вопросы, которые связаны с государственной службой в ФССП.

Ключевые слова: ФССП, судебные приставы, государство, служба, исполнительное производство, кадры, закон, суд.

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению вопроса, который связан с государственной службой в Федеральной службе судебных приставов, следует рассмотреть, что в целом представляет собой Федеральная служба судебных приставов в системе органов государственной власти.

Конституция России [1], которая представляет собой основной закон Российского государства, провозглашает юридические возможности и личные свободы человека наивысшей ценностью, беря на себя обязательства по их всесторонней охране. Вследствие этого на территории страны обязаны функционировать действенные инструменты обеспечения правовой защищенности граждан, что будет способствовать упрочению основ законности и социальной справедливости. Федеральная служба судебных приставов (ФССП) занимает одну из ключевых позиций в структуре правоохранительных ведомств, обладая уникальными характеристиками организации работы, специальными полномочиями и целевыми ориентирами.

В настоящий момент основной фокус внимания научного сообщества, практикующих специалистов и широкой общественности сконцентрирован на вопросах принудительной реализации постановлений судебных инстанций, а также решений других уполномоченных структур и их официальных представителей. Подобная ситуация детерминирована исключительной важностью механизма принудительного исполнения для системы охраны правомочий, законных интересов физических и юридических лиц, общества в целом и государственных институтов. Работа Федеральной службы судебных приставов обладает фундаментальным значением для защиты прав граждан, оказывая влияние на интересы многочисленных участников правовых отношений, поскольку является прямым воплощением охранительной функции государства и гарантирует действительное применение законодательных норм на всей территории Российской Федерации (РФ). Невзирая на отмечаемую позитивную динамику роста уровня правовой культуры в социуме, в текущих условиях отсутствуют основания говорить о повсеместном добровольном выполнении судебных предписаний, что подчеркивает актуальность оптимизации деятельности института принудительного исполнения актов юрисдикционных органов. Восстановление нарушенных субъективных прав возможно исключительно в рамках про-

цедуры принудительного исполнения, что напрямую входит в функциональную компетенцию Федеральной службы судебных приставов России [7].

Следовательно, институт судебных приставов обладает первостепенной важностью для системы защиты и восстановления правовых возможностей личности. В исторический период, предшествующий революционным изменениям, данный институт функционировал в рамках судостроительства, а впоследствии был инкорпорируется в общую систему органов полиции. После коренной трансформации государственного устройства подавляющее большинство институтов власти подверглось кардинальному реформированию, в частности, должность судебного пристава была ликвидирована в правовом поле государства. Как следствие, их деятельность была полностью прекращена. Тем не менее, процесс восстановления данного института был инициирован в 1997 году. Указанный временной промежуток характеризуется принятием комплекса законодательных инициатив, нацеленных на модернизацию работы судебной системы. В частности, были утверждены такие основополагающие нормативные акты, как Федеральный закон о судебных приставах [3] и Федеральный закон об исполнительном производстве [4].

На современном этапе рассматриваемый государственный орган власти призван обеспечивать совершенствование деятельности системы правосудия, поскольку именно на судебных приставах возлагаются полномочия по обеспечению принудительной реализации актов судов и других уполномоченных инстанций.

Наиболее детально особенности функционирования института судебных приставов регламентируются Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. Указанный нормативный правовой акт фиксирует базовые цели и задачи деятельности рассматриваемого института, специфику прохождения государственной службы судебными приставами, регулирует порядок исполнения решений национальных и международных судебных органов, определяет временные рамки в исполнительном производстве, а также решает иные вопросы.

К числу фундаментальных задач деятельности Федеральной службы судебных приставов можно отнести следующее: обеспечение принудительного исполнения су-

дебных решений, актов других органов государственной власти и их должностных лиц; применение в установленных законом случаях соответствующих мер принудительного характера, предусмотренных законодательством Российской Федерации на основании исполнительного документа; осуществление учета, анализа и оценки изъятого имущества; обеспечение принудительной реализации и хранения арестованного имущества; розыск должника, его имущественных активов, розыск несовершеннолетних, во взаимодействии с другими государственными органами в пределах установленной компетенции; участие в выполнении решений коллегиальных органов, рассматривающих трудовые споры и иные конфликты.

Целесообразно также отметить, что Федеральная служба судебных приставов обладает особыми полномочиями, которые связаны с межведомственным взаимодействием и координацией деятельности с иными государственными институтами, уполномоченными обеспечивать выполнение предписаний судебных органов, их должностных лиц и государственных органов. В правоприменительной деятельности регулярно встречается горизонтальное взаимодействие Федеральной службы судебных приставов с иными государственными институтами посредством заключения межведомственных договоров, на основе которых осуществляется кооперация и совместная деятельность.

Важно определить функциональную ориентацию деятельности судебных приставов и всего института в целом: институт судебных приставов содействует обеспечению установленного законодательством порядка деятельности органов судебной власти; посредством оперативного и своевременного реагирования судебный пристав-исполнитель гарантирует надлежащее выполнение вступивших в законную силу судебных актов всеми субъектами правовых отношений; обеспечение выполнения норм правовых документов, регламентирующих порядок осуществления уголовного судопроизводства в случаях, отнесенных к подсудственности Федеральной службы судебных приставов; центральный аппарат осуществляет руководящие функции в отношении территориальных подразделений Федеральной службы судебных приставов России; ведение государственного учетного реестра; реализация контрольно-надзорных мероприятий за деятельностью коммерческих организаций, осуществляющих взыскание задолженностей [7].

Помимо указанного, в качестве ключевой задачи Федеральной службы судебных приставов выступает своевременное обнаружение, пресечение и расследование противоправных деяний против правосудия. Указанные направления деятельности обеспечиваются посредством введения в правовое поле судебных приставов-дознателей.

Таким образом, реализуется первостепенная задача организации первоначального этапа расследования, осуществляемого в форме дознания, что стало возможным после внесения соответствующих корректив в систему

федерального законодательства, регулирующего функционирование ФССП.

В правоприменительной деятельности существует значительное количество случаев уклонения обязанного лица от надлежащего выполнения своих обязательств, что представляет собой ключевое препятствие для фактического выполнения вынесенного судебного акта. Подобные противоправные действия со стороны обязанного лица могут привести к привлечению его к административной или уголовной ответственности. Именно судебный пристав-дознатель уполномочен выявлять подобные обстоятельства, проводить их проверку. При этом Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (УК РФ) четко фиксирует основания для привлечения к уголовной ответственности: на основании статьи 315 УК РФ, в случае злостного невыполнения судебного акта, вступившего в законную силу, виновное лицо, подвергнутое административной ответственности, может быть привлечено к уголовной ответственности с применением более строгих санкций в виде денежного взыскания, привлечения к обязательным работам, вплоть до изоляции от общества на срок до одного года; согласно статье 312 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее неправомерные действия в отношении имущества, подвергнутого ограничениям или подлежащего изъятию в доход государства; на основании статьи 177 УК РФ при злостном уклонении от погашения кредитной задолженности виновное лицо подлежит уголовной ответственности; при злостном уклонении от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей согласно статье 157 УК РФ виновное лицо привлекается к уголовной ответственности.

Таким образом, ФССП занимает одну из центральных позиций в системе правоохранительных ведомств государства. Именно ФССП обеспечивает оперативное и результативное восстановление нарушенных прав и свобод личности через механизм принудительной реализации судебных актов, актов иных государственных органов и их представителей.

Специфика трудоустройства на должности в Федеральной службе судебных приставов регламентируется положениями Федерального закона от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

К отличительным характеристикам прохождения отбора на государственную службу в Федеральную службу судебных приставов можно отнести следующие аспекты:

— установление возрастных ограничений, согласно которым возможность поступления на службу предоставляется гражданам, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при этом максимальный возраст для назначения на должности составляет сорок лет;

— наличие квалификационных требований, предполагающих свободное владение государственным языком

Российской Федерации, соответствие определенным личностным и профессиональным характеристикам, а также необходимый уровень физической подготовки и состояния здоровья, позволяющий выполнять должностные обязанности;

- требование к образовательному уровню, в соответствии с которым для занятия отдельных должностей необходимо наличие высшего образования по таким направлениям подготовки, как «Психологические науки», «Экономика и управление», «Юриспруденция», «Образование и педагогические науки»;

- наличие ограничений для приема на службу, исключающих возможность трудоустройства лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, неоднократно привлекавшихся в течение последнего года к административной ответственности за умышленные правонарушения либо имеющих иные проблемы с законом;

- необходимость прохождения психологического тестирования, в рамках которого претенденты на отдельные должности подвергаются психофизиологическому исследованию и тестированию, направленному на изучение их морально-нравственных и психологических качеств.

Зачисление на службу осуществляется на конкурсной основе. Лица, претендующие на должности, предоставляют документальные сведения об образовании, прохождении государственной службы, осуществлении иной профессиональной деятельности, а также проходят соответствующее тестирование.

Далее целесообразно рассмотреть отдельные аспекты прохождения службы в Федеральной службе судебных приставов:

- выполнение обязанностей, связанных с риском для жизни и здоровья, в связи с чем сотрудникам предоставляются социальные гарантии и компенсационные выплаты, установленные законодательством Российской Федерации;

- необходимость прохождения специальной подготовки, в рамках которой судебные приставы в соответствии с характером выполняемых ими функций приобретают соответствующие профессиональные компетенции;

- обязательность периодической проверки, проводимой не реже одного раза в год и направленной на определение пригодности сотрудников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

- принесение присяги при вступлении в должность, соблюдение которой является неотъемлемым элементом служебной дисциплины.

Осуществление профессиональной деятельности в рамках Федеральной службы судебных приставов сопряжено с наличием различных проблемных аспектов, которые связаны с кадровой составляющей, законодательным регулированием, организационными вопросами и социальной сферой. Указанные проблемные аспекты создают препятствия для продуктивного выполнения воз-

ложенных на службу задач и требуют применения системного подхода для их разрешения [8].

Среди кадровых трудностей можно выделить следующие:

- недостаточная укомплектованность штата сотрудников, в связи с чем в отдельных регионах на служащих возлагается объем работ, превышающий установленные нормативы, что приводит к перегрузкам и снижению результативности деятельности;

- нехватка квалифицированных кадров, например, по состоянию на 2024 год в главном управлении Федеральной службы судебных приставов по Новосибирской области некомплект сотрудников достигал десяти процентов, при этом наиболее сложная ситуация наблюдалась в Ленинском, Кировском и Советском районах города Новосибирска, а также в сельских подразделениях [11];

- недостаточный уровень мотивации персонала, выражающийся в том, что средний размер денежного содержания в Федеральной службе судебных приставов зачастую ниже уровня доходов в частном юридическом секторе, что снижает привлекательность профессии для выпускников учебных заведений.

В сфере законодательного регулирования можно выделить следующие проблемные вопросы:

- противоречивость правового статуса Федеральной службы судебных приставов, которая, с одной стороны, представляет собой федеральный орган исполнительной власти, находящийся в ведении Министерства юстиции Российской Федерации, а с другой стороны, специфика выполняемых функций и характер полномочий позволяют рассматривать службу в качестве особого института, занимающего промежуточное положение между исполнительной и судебной системами власти;

- недостаточная определенность законодательных положений в сфере исполнительного производства, в частности, отсутствие регламентированного порядка обращения взыскания на имущество, переданное в залог, что приводит к возникновению судебных разбирательств и задержкам в исполнении судебных решений;

- недостаточная детализация механизмов взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с иными государственными органами, при этом конкретные формы такого взаимодействия часто не урегулированы либо урегулированы фрагментарно [9].

Среди организационных трудностей можно отметить:

- неэффективное распределение компетенций между структурными подразделениями, а также проблемы в организации контроля и ответственности, когда вертикальная интеграция службы, обеспечивая единообразие правоприменительной практики, с другой стороны, может приводить к избыточной бюрократизации и снижению оперативности принятия решений на местах;

- отсутствие четко определенных стратегических ориентиров развития, что приводит к формированию разрозненных плановых показателей, несогласованности действий нижестоящих подразделений и низкому уровню

мотивации сотрудников, не понимающих перспективы развития службы.

В социальной сфере можно назвать следующие проблемные вопросы:

— трудности профессиональной адаптации молодых специалистов, принимаемых на службу, поскольку деятельность в Федеральной службе судебных приставов имеет специфический характер, обуславливающий значительные психоэмоциональные нагрузки, и большинство вновь принятых сотрудников испытывают проблемы с адаптацией;

— недостаточный уровень социальной защищенности молодых сотрудников Федеральной службы судебных приставов, в частности, отсутствие гарантий улучшения жилищных условий либо компенсации связанных с этим расходов.

Таким образом, в завершение данной статьи, можно сделать следующий вывод.

Федеральная служба судебных приставов (ФССП) занимает одну из центральных позиций в системе правоохранительных ведомств государства. Именно

Федеральная служба судебных приставов (ФССП) обеспечивает оперативное и результативное восстановление нарушенных прав и свобод личности через механизм принудительной реализации судебных актов, актов иных государственных органов и их представителей.

Для поступления на государственную службу в Федеральную службу судебных приставов кандидаты должны соответствовать требованиям, которые отражены в законодательстве. Кроме того, несение службы в ФССП также сопряжено с определенными требованиями, которые должны быть соблюдены.

В настоящее время осуществление профессиональной деятельности в рамках Федеральной службы судебных приставов сопряжено с наличием различных проблемных аспектов, среди которых можно назвать кадровые проблемы, проблемы, которым соответствует законодательный, организационный и социальных характер. Повышение эффективности работы сотрудников Федеральной службы судебных приставов напрямую зависит от решения этих проблем.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025)
3. Федеральный закон от 21.07.1997 N 118-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»
4. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об исполнительном производстве»
5. Федеральный закон от 01.10.2019 N 328-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
6. Артемьев М. Д. Административно-правовое регулирование деятельности органов Федеральной службы судебных приставов // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу. — Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 5–9.
7. Ахметова А. Т. Федеральная служба судебных приставов в системе органов государственной власти // E-Scio. — 2023. — № 2(77). — С. 540–545.
8. Базарова Ц. Б. Практические проблемы в деятельности Федеральной службы судебных приставов // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 187–189.
9. Железнов А. В. Правовой статус Федеральной службы судебных приставов: институциональная трансформация и проблемы нормативного регулирования // НПЖ «Диалог». — 2025. — № 2 (32). — С. 31–33.
10. Клепка К. Е. Актуальные аспекты организации деятельности Федеральной службы судебных приставов // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу: Сборник статей / Отв. редактор Н. Н. Ивашко. — Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. — 2023. — С. 64–67.
11. В новосибирском ГУФССП не хватает около 10 % сотрудников — <https://ngs.ru/text/job/2025/04/27/75366107/>

Актуальные проблемы гражданского оборота культурных ценностей

Атик Маргарита Геннадьевна, студент

Научный руководитель: Тупицына Елена Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Вятский государственный университет (г. Киров)

В России продолжает оставаться актуальной проблема контроля за оборотом культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества. Думается, что

имеется два варианта разрешения данного проблемного вопроса. Первый вариант заключается в том, чтобы на законодательном уровне смягчить требования к обороту

культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества. В частности, законодатель может закрепить, что владельцы культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, могут по своему желанию поставить их на учет. С тем чтобы не допустить нарушений действующего законодательства, законодателю необходимо закрепить положения, мотивирующие владельцев культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, поставить их на учет в установленном порядке. Однако, учитывая неблагоприятную обстановку в связи с функционированием черного рынка культурных ценностей, стоит отметить, что вышеуказанный вариант решения проблемы контроля за оборотом культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, для нашей страны не подходит [4, с. 59].

Второй вариант решения проблемы контроля за оборотом культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, видится в установлении контролируемого оборота за указанным имуществом. Согласно такому варианту государство не должно стремиться к установлению всеобъемлющего контроля за оборотом всех культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества. Исходя из этого, предлагается увеличить перечень культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, сделки в отношении которых должны пройти обязательную процедуру регистрации в установленном порядке. Следует такой обязательный порядок распространить на культурные ценности, отнесенные к категории движимого имущества, которые имеют высокую рыночную стоимость. Если стороны не выполняют требования о прохождении процедуры госрегистрации таких сделок, то на них распространяют свое действие положения, закрепленные в статьях 165, 167 ГК РФ. Думается, что для эффективной адаптации указанного варианта решения обозначенной проблемы нужно закрепить отдельные положения, мотивирующие владельцев выполнять требования законодательства (например, налоговые преференции, помощь в финансировании трат, понесенных на ремонт культурных ценностей и др.).

В настоящее время за Российской Федерацией закреплено преимущественное право приобретения только в отношении объектов, имеющих статус музейных коллекций и предметов, являющихся элементом функционирующей на негосударственной основе части отечественного музейного фонда. В Законе федерального уровня от 25.06.2002 за № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» нет положений, предусматривающих преимущественное право Российской Федерации приобретения продаваемых объектов культурного наследия. Думается, что помимо права изымать указанные объекты, за Российской Федерацией необходимо закрепить преимущественное право приобретения продаваемых объектов культурного наследия. Исходя из этого, данное положение необходимо включить в 8 главу Закона феде-

рального уровня от 25.06.2002 за № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В правоприменительной среде оборот ценностей, имеющих статус культурных, осуществляется в рамках продажи антиквариата. Указанные обязательства регламентируются посредством заключения договоров комиссии. Продажу антиквариата, как правило, осуществляют антикварные галереи, дома аукционного типа, выступающие в качестве организаций специализированной торговли, которые по заданию комитента на возмездной основе берут на себя обязательства заключить от своего имени, но за счет денежных средств комитента договор по отчуждению ценностей, имеющих статус культурных. Данные комиссионные обязательства регламентированы статьями 990–1004 ГК РФ (часть вторая) [3, с. 104].

Не вызывает сомнений тот факт, что продажа антиквариата должна быть регламентирована на законодательном уровне. Речь, прежде всего, идет о законодательной регламентации правил продажи антиквариата. Думается, что необходимо разработать и утвердить нормативно-правовой акт в указанной сфере в виде постановления высшего органа исполнительной власти на федеральном уровне.

В нашем государстве продолжает сохранять актуальность проблема оборота культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, среди которых довольно высок уровень подделок. Одним из путей решения указанной проблемы выступают экспертные исследования ценностей, имеющих статус культурных, порядок проведения которых утвержден высшим органом исполнительной власти на федеральном уровне [2].

Не вызывает сомнений тот факт, что работа по проведению экспертных исследований ценностей, имеющих статус культурных, имеет рискованный характер. Никто не застрахован от совершения ошибок, несмотря на многолетний опыт за плечами. Однако совершение таких ошибок может привести к очень серьезным последствиям. Чтобы минимизировать возможные негативные последствия, можно применить институт страхования гражданской ответственности эксперта. Так, в ст. 17 Закона федерального уровня от 29.07.1998 за № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» предусмотрено, что субъекты, имеющие статус оценщиков, в обязательном порядке должны страховать свою гражданскую ответственность перед заказчиками [1].

Думается, что на законодательном уровне необходимо данную обязанность закрепить и за субъектами, осуществляющими экспертные исследования ценностей, имеющих статус культурных.

Итак, оборот культурных ценностей, отнесенных к категории движимого имущества, имеет ряд проблем правового регулирования. Для решения имеющихся проблем правового регулирования необходимо гармонизировать действующее законодательство в сфере хозяйственного оборота ценностей, имеющих статус культурных.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.
2. Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 38. — Ст. 5899.
3. Кабанова Ю. С. Проблемы гражданского оборота культурных ценностей в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 8(135). — С. 104–106.
4. Чудинова Т. А. Некоторые проблемы оборота культурных ценностей // Юридическая мысль. — 2007. — № 5(43). — С. 59–61.

Право граждан на достойный уровень жизни и его реализация в сфере социального обеспечения

Ахмедова Сабина Алиаровна, студент
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

В данной статье рассматриваются пробелы в сфере здравоохранения. Главной целью является выявление проблем и выдвигание предложений по их устранению на законодательном уровне.

Ключевые слова: *достойный уровень жизни, права человека и гражданина, модернизации в сфере здравоохранения.*

В социальном государстве право на достойный уровень жизни является одним из важнейших и основных прав. В содержание данного права в большей степени заложено экономический признак, способствующий реализации данного права в полном объеме [2].

Законодательно закреплённого понятия «достойный уровень жизни» нет. Однако, в п.1 ст. 7 Конституции Российской Федерации сказано, что: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Из этого следует, что достойный уровень жизни подразумевает предоставление населению различных видов социального обеспечения, таких как: выплаты, льготы, услуги и так далее. Так же, он выражается в возможности создания государством условий для беспрепятственного предоставления и получения гражданами такого обеспечения.

В частности, рассмотрим право на достойный уровень жизни и его реализацию в сфере здравоохранения, так как данная сфера на мой взгляд является наиболее проблемной, потому что именно неполадки в данной сфере кардинально ухудшают положение населения, его благосостояние, а также препятствуют реализации конституционного права на бесплатную медицинскую помощь, осуществляющуюся за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1].

Так, согласно п.5 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» пациент имеет право на:

- Выбор врача и выбор медицинской организации;
- Профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию в медицинских организациях в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям;
- Получение консультаций врачей-специалистов;
- Облегчение боли, связанной с заболеванием, состоянием и (или) медицинским вмешательством, методами и лекарственными препаратами, в том числе наркотическими лекарственными препаратами и психотропными лекарственными препаратами;
- Получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в том числе после его смерти;
- Получение лечебного питания в случае нахождения пациента на лечении в стационарных условиях;
- Защиту сведений, составляющих врачебную тайну;
- Отказ от медицинского вмешательства;
- Возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи;

Однако мы повседневно встречаемся с нарушением выше указанных прав, что связано с бездействием либо активным, негативным действием медицинских работников. Так, во многих медицинских учреждениях не предоставлены условия для реализации права выбора врача, отчасти это связано с дефицитом кадров, несмотря, на существование и активную реализацию программы «Земский доктор» [4]. Имеют место случаи,

когда руководители медицинских учреждений не предоставляют возможности гражданам переходить от одного лечащего врача к другому из-за системы закрепления за определенными участками [3], что является существенным нарушением и требует контроля со стороны государства.

Наиболее острая проблема наблюдается с выдачей направлений. Для получения, которых человеку необходимо проходить осмотр нескольких врачей, определенные обследования, на которые уходит много времени. Стоит отметить, что и запись по направлению тоже очень сильно растягивается по времени. И за весь период ожидания здоровье человека может сильно ухудшиться и привести к неустраняемым последствиям, за которые медицинское учреждение ответственности не несёт. Для устранения данной проблемы следует обозначить категорию граждан, имеющих первоочередное право на получение направлений.

Также важным аспектом является модернизация медицинских учреждений и их оснащение необходимым оборудованием. Постановление Правительства РФ от 9 октября 2019 г. N 1304 «О модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации» в большей степени возлагает проведение данных процессов на регионы. Однако, стоит расширить данное постановление определив в нём конкретный объект модернизации; выделить этапы модернизации [3]. К данному аспекту относится и предоставление медицинским учреждениям оборудования, которые будут способствовать поддержанию стабильного оказания медицинских услуг. Также имеет место быть, проблема связанная с использованием технологий, в связи с этим стоит обязать медицинский персонал при появлении, каких либо новшеств ознакомиться с ними либо пройти процедуру обучения. Также несмотря на существование талонной системы, определяющей время приема все равно наблюдается живая очередь, что приводит к противоречию для устранения, которых следует ввести четкое распределение, определяющее то, какая категория граждан может проходить вне очереди. К тому же, следует модернизировать систему информирования граждан, так как большинство медицинских учреждений не предоставляют информацию

в полном объеме для ознакомления граждан [3]. К примеру, при прохождении какой-либо процедуры, обследования человеку предоставляют документ, в котором нужно расписаться, и многие граждане не обращают внимания на важные моменты, содержащиеся в данном документе. И в связи, с такой ситуацией если с гражданином во время процедуры, что-то происходит, то врач не несёт ответственности.

Следует сказать и про качество предоставляемой на бесплатной основе медицинской помощи, которая во многих регионах явно не на том уровне, чтобы быть способной поддержать достойный уровень жизни в данной сфере. Многие врачи консультируют и обследуют пациентов без особого интереса выявления причин возникновения заболеваний и способов их устранения. При редких и очень сложных заболеваниях врачи и вовсе отказываются лечить пациентов, поставив им не тот диагноз, что кардинально приводит к ухудшению состояния здоровья. Я считаю, что следует выделить людей, у которых имеются неизученные серьезные заболевания, а также выделить специалистов готовых изучать данные проявления и весь этот процесс оформить в виде определенной программы.

Таким образом, для обеспечения достойного уровня жизни в данной сфере и реализации законодательных прав следует: обеспечить медицинские учреждения квалифицированными кадрами; модернизировать медицинские учреждения; финансировать здравоохранение, а также проводить контроль за этим процессом; обеспечить доступность лекарственных средств; усилить ответственность медицинских работников за нарушение прав граждан; усилить контроль за соблюдением законодательства в данной сфере.

К тому же, государство должно быть социально-ориентированным [2]. Так как помимо создания условий для обеспечения населения достойным уровнем жизни важно и его стабильное сохранение, а также рациональное распределение благ, так чтобы ни одна социальная категория не подвергалась какой либо дискриминации и могла свободно реализовать свои права в данной сфере. Для благоприятного дальнейшего развития сферы здравоохранения следует ввести кодекс, который упорядочит все принятые на сегодняшний день нормы.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Кобылинская С. В. К вопросу о понятие права на достойную жизнь в современном Российском законодательстве / С. В. Кобылинская, Н. Д. Кобылинский // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 11–13. (Дата обращения 27.08.2025)
3. Клейман Софья Вячеславовна. Модернизация здравоохранения: проблемы и возможности URL:https://www.referatmix.ru/referats/55/referatmix_55033.htm
4. Народный фронт выявил недостатки в земских программах для врачей, фельдшеров и учителей.-URL: <https://onf.ru/news/narodnyj-front-vyyavil-nedostatki-v-zemskix-programmax-dlya-vrachej-feldsherov-i-uchitelej>

Актуальные проблемы уголовно-правового регулирования незаконного оборота оружия

Воинкова Татьяна Петровна, студент
Московский университет «Синергия»

Current issues of the criminal law regulation of illegal arms trafficking

Незаконный оборот оружия традиционно относится к числу деяний, несущих повышенную общественную опасность, так как затрагивает основы общественной безопасности и напрямую коррелирует с уровнем насильственной преступности. В российском правовом порядке уголовно-правовой каркас противодействия складывается из норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), прежде всего статей 222, 222.1, 223 и 223.1, а также специальных положений Федерального закона «Об оружии» № 150-ФЗ и подзаконных актов о правилах оборота гражданского и служебного оружия [1; 3; 2; 4; 5; 6]. Эти нормы детально регламентируют запрещенные действия с оружием, его основными частями, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, очерчивают составы преступлений, устанавливают квалифицирующие признаки и предусматривают случаи освобождения от уголовной ответственности при добровольной сдаче предметов. При этом в правоприменении устойчиво выявляются узловые проблемы разграничения уголовной и административной ответственности, квалификации совокупности деяний, определения предмета преступления в условиях технологической эволюции (3D-печать, комплекующие), а также оценки малозначительности и добровольной сдачи как оснований, влияющих на судьбу дела.

Системообразующим предметным ориентиром служит статья 222 УК РФ, которая криминализует незаконные приобретение, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов, а в части 2 — незаконный сбыт этих предметов [1]. Существенная для практики новация последней редакции состоит в том, что из предмета ч. 1 и ч. 2 исключены крупнокалиберное огнестрельное оружие, гражданское гладкоствольное длинноствольное, а также оружие ограниченного поражения и соответствующие патроны: их незаконный «сбыт» выведен в отдельную ч. 7 ст. 222 УК РФ, тогда как иные незаконные действия с такими предметами, как правило, подпадают под составы административных правонарушений (например, по ст. 20.8 КоАП РФ) [1; 9]. Такая дифференциация, с одной стороны, точнее ранжирует общественную опасность деяний, а с другой — порождает сложности разграничения уголовно наказуемого «сбыта» и административно наказуемых нарушений правил хранения, ношения, транспортирования, особенно когда речь идет о гражданском гладкоствольном оружии и патронах к нему. В практике встречаются споры о квалификации ситуаций, где фактическая передача или обмен оружия между гражданами маскируются под «вре-

менную передачу» либо «испытание», требующие от суда тонкой оценки направленности воли участников и наличия встречного предоставления.

Особое место занимает статья 222.1 УК РФ, адресующая незаконные действия со взрывчатыми веществами и взрывными устройствами. Правоприменитель сталкивается с необходимостью верно определить предмет преступления: к взрывчатым веществам, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда, относятся химические соединения или смеси, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву), к которым прямо отнесены и пороха; под взрывными устройствами понимаются промышленные или самодельные изделия, функционально предназначенные для производства взрыва (мины, гранаты и т. п.), а также отдельные средства инициирования (запалы, детонаторы) [7; 8]. Это имеет практический смысл в делах о незаконном хранении или сбыте охотничьего пороха после утраты права на оружие: суды учитывают как сам факт оборота взрывчатого вещества, так и конкретную общественную опасность ситуации, сопоставляя ее с возможностью прекращения дела в связи с добровольной выдачей или оценкой малозначительности [8; 10].

Нормы о незаконном изготовлении (переделке, ремонте) составляют самостоятельную группу. Статья 223 УК РФ запрещает незаконное изготовление огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов, а статья 223.1 — изготовление взрывчатых веществ, изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств [2; 4]. Пленум Верховного Суда детально раскрывает содержание «изготовления» и «переделки», указывая, что уголовно значимыми являются создание предмета, приобретшего свойства оружия (боеприпаса, взрывного устройства), в том числе путем переделки пневматических, сигнальных, стартовых, строительно-монтажных пистолетов, иных предметов; под незаконной переделкой понимается изменение тактико-технических характеристик при сохранении поражающих свойств (например, укорачивание ствола, перевод под другой патрон) [7; 8]. Данные ориентиры помогают закрывать технологические лакуны, вызванные распространением 3D-печати и кустарных комплектов, когда в качестве «основных частей» рассматриваются ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка (а не иные аксессуары и прицелы), — это ключ к правильной квалификации как по 222, так и по 223 УК РФ [8].

Практически значимым квалифицирующим признаком как в статьях 222, 222.1, так и в ряде смежных со-

ставов выступает совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Это отражает эмпирическую реальность «онлайн-рынков» оружия и комплектующих, а также закрытых чатов и даркнета. Закрепление данного признака прямо в диспозициях («с использованием ИКТ-сетей») переводит вопрос в плоскость доказывания канала совершения сбыта/передачи (переписка, цифровые следы платежей, записи переговоров и т. п.) и влияет на санкции по частям 3 и 5 ст. 222 и соответствующим частям ст. 222.1 УК РФ [1; 3]. Это же обусловило у судов необходимость учитывать специфику «электронной сделки»: переписка в мессенджерах и перевод денег через электронные кошельки рассматриваются как элементы объективной стороны «сбыта» и «передачи».

Острой остается проблема разграничения единичного состава и совокупности преступлений при одновременном незаконном обороте оружия (боеприпасов) и взрывчатых веществ (взрывных устройств). Пленум Верховного Суда прямо предписывает квалифицировать такие ситуации по совокупности статей 222 (или 223) и 222.1 (или 223.1) УК РФ, исключая поглощение специальными нормами и тем самым обязывая суд давать каждую оценку самостоятельно [7]. На практике это означает, что лицо, одновременно незаконно хранившее пистолет, патроны к нему и гранату, несет ответственность по двум составам: за оружие и боеприпасы — по ст. 222, за взрывчатое устройство — по ст. 222.1. Та же логика применима к изготовлению (переделке): изготовление самодельного взрывного устройства плюс переделка оружия требуют квалификации по совокупности ст. 223.1 и 223 УК РФ [7]. Дополнительно Пленум указывает на необходимость дополнительной квалификации по ст. 226.1 УК РФ, если имел место незаконный ввоз/вывоз через таможенную границу, что особенно актуально для «почтовых» каналов перемещения комплектующих [8].

Существенным инструментом гуманизации выступают примечания к статьям 222, 222.1, 223 и 223.1 УК РФ о добровольной сдаче предметов: добровольная сдача освобождает от уголовной ответственности по соответствующей статье [1; 3; 2; 4]. Пленум подчеркивает, что добровольной признается именно выдача «по своей воле» при реальной возможности продолжать хранение, а изъятие при задержании, в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий добровольной сдачей не является. В то же время выдача иных не обнаруженных предметов (если об их наличии органам не было известно) может квалифицироваться как добровольная сдача в отношении этих предметов. При этом прекращение дела по данному основанию не влечет реабилитации — это не означает отсутствия состава преступления [7; 8]. В современных делах суды иногда дополнительно сопоставляют добровольную выдачу с оценкой малозначительности (например, хранение небольшого количества пороха в сейфе при наличии навыков безопасного обращения), хотя требование к «малозначительности» как к исключению из

уголовной ответственности остается высокими и применяется крайне выборочно [8].

Неоднократно встает вопрос о квалификации «передачи» и «сбыта». Верховный Суд разъясняет, что «передача» — предоставление предмета другому лицу для временного использования или хранения, тогда как «сбыт» — безвозвратное отчуждение (продажа, дарение, обмен и т. п.). Для разграничения необходимо исследовать содержание договоренности, направление потока выгод и судьбу предмета после действий сторон. При этом многократные незаконные действия с одним и тем же предметом (приобретение — хранение — перевозка — ношение) не образуют множественности квалификаций: содеянное охватывается единым составом, поскольку объективная сторона альтернативна [7]. Указанные критерии призваны снимать типичные споры, когда фигурант настаивает на «передаче» другу «для хранения», а следствие квалифицирует деяние как «сбыт».

Ключевую роль в тонких случаях играет категория «малозначительности» (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Пленум Верховного Суда обращает внимание, что при оценке малозначительности по делам о незаконном обороте оружия необходимо учитывать, например, количественные характеристики (хранение нескольких патронов), качественные свойства предмета, мотив и цель поведения, предшествующее и последующее поведение лица [8]. Это не «автоматическая» оговорка: учитывая высокую опасность предмета преступления, признание деяния малозначительным возможно только при совокупности факторов, демонстрирующих отсутствующую общественную опасность, и, как правило, в связке с добровольной выдачей и процессуальным поведением, исключающим риск. Практика последних лет показывает, что суды точно применяют данную конструкцию, в том числе в делах о порохе и капсюлях после утраты права на оружие, но такое решение всегда строится на тщательной конкретизации обстоятельств дела [8; 10].

Регулирование незаконного оборота оружия не может быть эффективно без ясной «стыковки» с административной юрисдикцией. Статья 20.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушения правил производства, торговли, хранения, ношения, коллекционирования и экспонирования оружия и патронов, вводит специальные составы (например, ношение оружия в состоянии опьянения; нарушение правил хранения, повлекшее утрату; нарушение правил хранения порохов и капсюлей для самостоятельного снаряжения патронов), прямо оговаривая, что речь идет о случаях, не содержащих признаков уголовно наказуемого деяния [9]. В практическом плане это означает: незаконный «сбыт» гражданского гладкоствольного длинноствольного оружия и оружия ограниченного поражения подпадает под ч. 7 ст. 222 УК РФ; нарушения правил хранения/ношения таких категорий оружия при отсутствии иных уголовно-правовых признаков — зона КоАП РФ. Вопросы возникают при квалификации действий с «иницирующими и воспламеняющими веще-

ствами» (порох, капсули) для самостоятельного снаряжения патронов: административный состав «работает» лишь постольку, поскольку в действиях нет признаков преступлений по ст. 222.1, 223.1 УК РФ. Здесь важен учет выводов КС РФ о том, что право на владение конкретным видом оружия корреспондирует с правом на приобретение и хранение соответствующих боеприпасов, но прекращение такого права меняет правовую оценку последующих действий с порохом и капсулями [10].

Технологическая трансформация оборота оружия выдвигает на первый план проблему квалификации «основных частей» и комплектующих. Пленум ВС РФ закрепил закрытый перечень «основных частей» огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка), обладание которыми имеет самостоятельное уголовно-правовое значение по ст. 222 УК РФ; вместе с тем для хищения (ст. 226 УК РФ) важны и «комплектующие детали», конструктивно обеспечивающие функционирование образца (например, прицелы), хотя они не всегда образуют предмет преступления по ст. 222 УК РФ [8]. На этом фоне 3D-печать рамок и ствольных коробок, продажа «80 %-рам» и наборов «do-it-yourself» явно попадают в зону риска по 223 УК РФ при доведении предмета до состояния, обладающего поражающими свойствами. Тонкая грань проходит по линии того, приобрел ли продукт в результате действий свойства оружия/основной части оружия: именно это, по разъяснениям Верховного Суда, определяет, какие составы подлежат инкриминированию [8].

Не менее важной является корректная идентификация предмета преступления при действиях с «неоружием»: пневматикой с дульной энергией до 7,5 Дж, сигнальными и стартовыми пистолетами, электрошоковыми устройствами. Верховный Суд однозначно исключает эти предметы из круга оружия, ответственность за действия с которым предусмотрена ст. 222, 223, 224, 226.1 УК РФ, — до тех пор, пока они не переделаны и не приобрели свойств оружия. Здесь дополнительную сложность создает оборот охолощенных и учебных патронов: не имея поражающего элемента, они не относятся к боеприпасам для целей статей 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ, что требует от следствия и суда точного экспертного установления состава и функционального предназначения предмета [7]. Устойчивое следование этим ориентирам позволяет снижать риски необоснованной криминализации.

Еще один «актуальный» контур — это трансграничный оборот комплектующих и взрывчатых материалов посредством международных почтовых отправок. Пленум ВС РФ предписывает при выявлении незаконного перемещения через границу дополнительно квалифицировать содеянное по ст. 226.1 УК РФ, что принципиально уси-

ливает ответственность и отражает повышенную общественную опасность канала поставки [8]. На практике это требует взаимодействия с таможенными органами и цифровой трассировки маршрутов посылок и платежей, а также дифференциации между «ввозом» комплектующих, являющихся «основными частями» оружия (угловно наказуемо), и аксессуаров, не обладающих таковым статусом (которые могут образовывать иные составы или вовсе не образовывать преступления).

Наконец, в блоке общих начал следует отметить, что уголовно-правовое регулирование незаконного оборота оружия строится не в изоляции, а в жесткой связке с режимом законного оборота. Федеральный закон «Об оружии» и Правила оборота гражданского и служебного оружия (утверждены постановлением Правительства РФ № 814) создают нормативную «карту местности»: виды оружия, лицензирование, хранение, ношение, транспортирование, уничтожение, учет, медосвидетельствование и т. д. [5; 6]. Именно из этих режимов «вытекают» многие уголовно-правовые квалификации и границы административной юрисдикции. В итоге эффективность противодействия незаконному обороту определяется не только жесткостью санкций в уголовном законе, но и полнотой, согласованностью и исполнимостью регулятивных правил, качеством экспертиз и точностью разграничения «оружия» и «неоружия».

Подводя итог, актуальные проблемы уголовно-правового регулирования незаконного оборота оружия концентрируются вокруг четырех взаимосвязанных вопросов: корректного определения предмета преступления (включая «основные части», взрывчатые вещества и взрывные устройства); разграничения уголовной и административной ответственности с учетом особого режима гражданского гладкоствольного и «травматического» оружия; квалификации совокупности при «смешанных» эпизодах (оружие/взрывчатка; оборот/перемещение через границу); а также процессуальных «клапанов» гуманизации — добровольной сдачи и малозначительности. Обновленные разъяснения Верховного Суда и эволюция законодательства (актуальные редакции статей 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ; изменения Закона об оружии; актуализация Правил оборота) повышают предсказуемость правоприменения, однако сохраняют высокие требования к доказательственной базе и качеству экспертиз. В условиях цифровизации и стремительного технологического развития (дистанционный сбыт, трансграничные почтовые поставки, 3D-печать) именно точность терминологии и следование судебным ориентирам остаются ключом к законной, справедливой и эффективной практике.

Литература:

1. УК РФ: ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов» (действующая редакция).
2. УК РФ: ст. 223 «Незаконное изготовление оружия» (действующая редакция).

3. УК РФ: ст. 222.1 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств» (действующая редакция).
4. УК РФ: ст. 223.1 «Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств» (действующая редакция).
5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (последняя редакция)
6. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему...» (Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему) (последняя ред.).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (с изм. и доп.).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2019 N 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327194/
9. КоАП РФ: ст. 20.8 «Нарушение правил производства, продажи, хранения, ношения, транспортирования либо уничтожения оружия и патронов к нему...» (действующая редакция).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.11.2023 № 52-П (о правовой оценке хранения и сбыта пороха и соотношении статей 222.1 УК РФ и режима законного оружия).

Особенности методики расследования преступлений, предусмотренных статьей 222 УК РФ

Волокитина Юлия Евгеньевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье приведены основные аспекты, которые касаются построения методики расследования преступлений, предусмотренных ст.222 УК РФ. Рассмотрены особенности начальной стадии расследования, направления его осуществления. Приведены субъективные и объективные факторы, которые влияют на содержание следственной ситуации. Раскрыты некоторые особенности осмотра оружия, проведения обыска. Особое внимание уделено важности применения специальных знаний в ходе расследования незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов. Представлены направления проведения судебных экспертиз в ходе расследования данного преступления. Отмечена высокая роль специальных знаний следователя, что влияет на качество расследования.

Ключевые слова: расследование, огнестрельное оружие, боеприпасы, ношение оружия, приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка

Одним из факторов ухудшения криминогенной ситуации является открытая демонстрация оружия и нарастающая вооруженность преступного мира. В такой обстановке особенную остроту и актуальность приобретают проблемы борьбы и расследования преступлений, связанных с незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой, пересылкой или ношением оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов. Данное направление деятельности организованных преступных группировок, наряду с торговлей наркотиками, контрабандой и проституцией, не только не имеет динамики снижения, но и приводит к расширению так называемого «оружейного черного рынка».

Увеличение оборота нелегального огнестрельного оружия и боеприпасов выступает триггером для целого

ряда негативных явлений, таких как увеличение случаев вооруженных нападений и летальных исходов, связанных с этими нападениями, увеличение случаев вооруженного сопротивления правоохранительным органам, использование оружия при рейдерских захватах собственности, несчастные случаи в результате случайного попадания оружия и боеприпасов в руки рядовых граждан и особенно детей.

Отдельная криминалистическая методика как специфическое средство науки криминалистики способствует эффективному противодействию преступности.

От правильности и эффективности действий следователя и оперативных подразделений на начальном этапе расследования, зависит успех расследования, именно в этот период закладываются основы для установления

объективной истины, собирается большое количество доказательств. В связи с этим, в криминалистической литературе неоднократно отмечалось большое практическое значение исследования особенностей начального этапа расследования различных видов преступлений.

Изучение материалов уголовных производств, связанных с незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой, пересылкой или ношением оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов свидетельствует, что поводом для начала расследования является [9]:

1) получение заявления от гражданина о том, что было найдено бесхозное оружие, боевые припасы или о совершении определенным лицом незаконного обращения с объектами вооружения в т. ч. об их использовании/применении, или признания в совершении вооруженных преступлений и/или добровольной сдачи оружия, боеприпасов;

2) сообщения от предприятий, учреждений, организаций, представителей власти, должностных лиц; общественности или отдельных граждан, которые задержали преступника на месте совершения преступления; сообщение от неустановленного лица (анонимный звонок на линию «102»);

3) самостоятельное выявление уполномоченным лицом из различных источников обстоятельств, свидетельствовавших о совершении преступления (во время проведения полицейских мероприятий, расследования, по материалам оперативных подразделений, контролирующих органов, через средства массовой информации и интернет-ресурсы, при мониторинге и т. п.).

Основания для начала расследования определяет следователь путем проверки сообщений о преступлении, правовой оценки источников полученной информации о наличии в них обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении преступления.

Изучение судебно-следственной практики позволило прийти к выводу, что к общим задачам расследования незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов следует отнести [2]:

1) установление предмета посягательства (его происхождения);

2) установление лица, которое совершило незаконное обращение с объектами вооружения;

3) определение способов совершения преступления;

4) установление наличия взаимосвязи с однородными, разнородными (вооруженными) и неоконченными преступлениями;

5) установление наличия тяжких последствий от действий подозреваемого;

6) выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Решение этих задач может осуществляться в разной последовательности, в соответствии со следственной си-

туацией начального этапа расследования, объема доказательной базы, а также своевременной организации и планирования расследования.

Отдельные задачи расследования преступлений предусмотрены ст.222 УК РФ формируются благодаря специфике этого преступления: обязательное назначение экспертного исследования объектов вооружения; отсутствие достаточного количества свидетелей и очевидцев преступной деятельности (по анализу материалов уголовных производств более 40 % случаев основными и единственными свидетелями являются понятые, из-за чего эта категория уголовных производств характеризуется небольшим объемом и уязвимостью доказательной базы, что приводит к повышению уровня противодействия со стороны защиты); наличие состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ.

Системный анализ материалов уголовных производств дает основания утверждать, что, учитывая специфику исследуемого преступления, начальный этап расследования распределяется по следующим направлениям [3]:

1) проведение неотложного следственного действия, выявление и изъятие объектов вооружения и других следов преступления, установление очевидцев и свидетелей, установление дополнительных источников информации о незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке, пересылке или ношении оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов рассчитаны на проверку версий о факте преступной деятельности; предмет посягательства (в т. ч. последствий его использования / применения), способ, время и место совершения преступления; о личности подозреваемого (возраст, пол, физические данные, уровень образования, навыки, личные качества, мотивы и цель совершения преступления и т. д.), в т. ч. о возможных свидетелях и очевидцах преступной деятельности (когда они были установлены или установлены не все);

2) проведение отдельных следственных действий (осмотра / обыска) и оперативно-разыскных мероприятий по месту проживания и месту работы подозреваемого для проверки версий о незаконном хранении оружия или боеприпасов, определенных свойствах лица (в т. ч. наличие социальных и преступных связей, их характер), производные последствия незаконного обращения (изготовления, переработки ремонта объектов вооружения);

3) обязательное и неотложное назначение экспертного исследования обнаруженных и изъятых предметов, внешне похожих на объекты вооружения, для проверки версий об их происхождении и отношении к категории оружия;

4) проведение оперативно-разыскных мероприятий по «горячим следам» для установления местонахождения и задержания подозреваемого, проверки данных о его личности и версии о вероятном местонахождении;

5) проведение оперативно-разыскных мероприятий для выявления признаков незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или но-

шения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов, проверки оперативно-розыскных версий о факте подготовки или совершения преступления и лиц, которые готовят или уже его совершают;

б) проведение отдельных тактических операций для разоблачения и прекращения преступной деятельности, фиксирование обстоятельств преступления, установление круга причастных лиц, для проверки версии о личности потенциальных подозреваемых и других обстоятельств незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов.

Итак, общий объем информационной нагрузки на начальном этапе расследования обусловлен спецификой компонентов преступления — субъектом (личности преступника), предметом и способами незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов. Специфика расследования детерминирует постановку задач и применении необходимого алгоритма действий. Подготовка и назначение экспертного исследования выявленных и изъятых объектов является обязательной, первоочередной и неотложной мерой [5].

То есть в процессе расследования следователь действует в конкретных объективных и субъективных условиях действительности, что приводит к выделению направлений его деятельности, выбору тактических приемов, определению круга субъектов для сотрудничества, и в результате — создаст наиболее рациональный алгоритм действий во время расследования. Совокупность таких компонентов (обстоятельств) традиционно в криминалистике называют следственной ситуацией.

Содержание следственной ситуации содержит систему объективных и субъективных условий. К объективным относятся:

1) наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательной и ориентирующей информации о происшествии преступления, его месте, времени, обстановке, способе совершения, потерпевших и лиц, его совершивших, следовую картину преступления;

2) наличие потенциальных источников доказательной носителей ориентирующей информации;

3) наличие в распоряжении следователя необходимых сил, средств расследования и возможности их использования в тот или иной момент расследования.

К субъективным относятся [7]:

1) внутреннее (психологическое) состояние следователя во время расследования преступления, уровень его профессиональных знаний, умений, навыков (процессуальные действия, выбираемые субъектом расследования, в значительной мере определяются именно его профессиональным опытом и интуицией);

2) наличие коммуникативного контакта следователя с другими участниками производства;

3) социально-психологические характеристики потерпевших, свидетелей, потенциальных подозреваемых,

которые могут повлиять на формирование их позиции в уголовном производстве;

4) наличие противодействия расследованию со стороны подозреваемого — а в некоторых случаях — со стороны свидетелей и потерпевших;

5) наличие ошибок в принятых решениях и процессуальных действиях следователя, прокурора, следственного судьи, работников оперативных подразделений и их последствия;

6) другие непредсказуемые действия лиц, участвующих в уголовном производстве.

Сочетание и результаты воздействия всех этих компонентов обуславливают индивидуальность следственной ситуации в определенный момент расследования, ее содержание, то есть конкретную совокупность условий, в которых приходится или придется действовать следователю. Иными словами, сочетание обеих групп обуславливает особенности следственной ситуации на определенный момент расследования.

В то же время проблематика такой трактовки заключается в том, что фактически отсутствует реальная возможность учесть абсолютно всю совокупность связей и отношений, которые пронизывают спектр деятельности следователя в процессе расследования. Следственная ситуация может самостоятельно меняться или дополняться возникновением новой ситуации, то есть приобрести динамичность. Кроме того, одна и та же ситуация может быть оценена по-разному разными лицами, но это не значит, что одна ситуация преобразуется в несколько.

В любом случае необходимо проводить сложную умственную работу, которая должна быть основана на анализе имеющейся информации, взаимосвязей и зависимости, — исследовать объективную характеристику следственной ситуации. А для достижения положительного результата, учитывая редкую повторяемость конкретных ситуаций, алгоритм действий следователя должен разрабатываться независимо от ряда условий, в частности, от субъективных [9].

При осмотре оружия, боевых припасов, прежде всего, отмечают части, из которых они состоят, размер в целом и отдельных частей, их соединения (способ крепления пули и гильзы), в дальнейшем описывают форму гильзы (цилиндрическая, плишкообразная или коническая), цвет ее металла, маркировочные отметки, размеры, наличие и форму следов оружия. В описании пули (дробин) отмечают вид преграды, размер повреждения пули, наличие посторонних веществ.

Также значительное внимание уделяют и обнаружению следов как на самих объектах оружия, так и на поверхностях окружающих их предметов (в частности, наличие отпечатков пальцев, микроволокон, волос, следов крови и микрочастиц других веществ).

Осмотр выявленных предметов, имеющих значение для уголовного производства, проводят по общим криминалистическим рекомендациям: в протоколе указывают наименование предмета, его назначение (в случае необ-

ходимости — правила пользования им), внешний вид, размер во всех измерениях, его особенности и локализацию дефектов, признаков, которые указывают на связь с расследуемым происшествием.

На завершающем этапе осмотра осуществляют изъятие вещественных доказательств в установленном законом порядке.

Не менее важным процессуальным средством получения доказательств является обыск. Во время расследования незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов, как правило, проводят на начальном этапе, поэтому его результаты содержат первоначальные сведения, которые доказывают причастность определенных лиц к совершению преступления и являются основой для формирования версий и планирования расследования.

Обобщение материалов уголовных производств позволило определить, что основной целью проведения обыска во время расследования по ст. 222 УК РФ является выявление, фиксация и изъятие объектов вооружения (ручного огнестрельного оружия — 44 %, боевых припасов к нему — 56 %) и других объектов, которые могут быть вещественными доказательствами и использованы во время досудебного судопроизводства [8].

Среди организационно-подготовительных мероприятий имеет место: принятие решения о проведении обыска; планирование и определение времени его проведения; создание оптимальных условий; определение и подготовка необходимых научно-технических и транспортных средств; решение вопроса о привлечении служебно-розыскной собаки; определение обязательных необходимых участников; определение способа фиксации хода и результатов обыска; разработка мероприятий, предусматривающих действия участников в случаях возникновения непредвиденных ситуаций или осложнений; обеспечение их безопасности; составление плана; проведение инструктивного совещания.

Необходимо отметить, что причины, по которым преступления остаются нераскрытыми, различны, как объективного, так и субъективного характера. К объективным причинам можно отнести увеличение количества не учтенного оружия, боеприпасов. К субъективным причинам можно отнести недостаточную обеспеченность следователей квалифицированными кадрами и отсутствие специализации опыта следователей в расследовании данной категории преступлений. Учитывая сложность расследования рассматриваемых преступлений, следователю необходимо не только обладать всем комплексом профессиональных знаний, но и уметь использовать в своей деятельности специальные знания, которые значительно расширяют возможности в сборе, исследовании и использовании доказательственной информации. Значительный процент нераскрытых преступлений связаны с недостаточной осведомленностью следователя о видах и формах специальных знаний, необходимых для рассле-

дования; недооценкой возможностей привлечения специалистов при проведении следственных действий; отсутствием полной информации о видах и возможностях судебных экспертиз, которые могут быть назначены при расследовании данной категории преступлений [5].

На основании указанного выше приведем области специальных знаний, применяемые при расследовании преступлений, предусмотренных ст.222 УК РФ:

1) знания в области оружейной науки. Это самый важный вид специальных знаний, используемых при расследовании данной категории преступлений, поскольку они характеризуют непосредственно предмет преступного посягательства, что в свою очередь имеет существенное значение при квалификации преступного деяния и как составляющая криминалистической характеристики преступления.

Анализ практики расследования преступлений, предусмотренных ст.222 УК, результаты научных исследований в этой сфере, свидетельствуют, что наиболее распространенными объектами посягательства являются огнестрельная оружие (около 80 % уголовных производств) и боеприпасы к нему (45 %), холодное оружие (40 %), взрывчатые вещества и устройства (30 %). Во многих случаях во время расследования уголовных производств изымаются обозначенные объекты в совокупности [8].

На современном этапе все больше преступлений совершается с использованием взрывных устройств. При расследовании незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов, изымаются устройства как промышленного, чаще всего военного назначения, так и самодельного производства. Поэтому знания в области взрывотехники, как составляющей оружейноведения, необходимы при расследовании данной категории преступлений;

2) знания в области следоведения. Поскольку преступление является событием прошлого, которое следователь непосредственно не воспринимал, его познание осуществляется опосредованно, через выявление и исследование отражений отдельных его элементов, их свойств в окружающей обстановке, как системы объектов, несущих информацию о событии преступления. Действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления составляют сложную динамику взаимодействия материальных объектов, сопровождаемых образованием различного рода следов, выступающих источниками информации о событии преступления и ее участников. Задачи субъектов, принимающих участие в расследовании, заключается в обнаружении, изъятии и фиксации следов, а соответственно и информации, которую они содержат;

3) знание психологии преступной деятельности. Специальные психологические знания играют значительную роль при расследовании преступлений любого вида. Во время расследования рассматриваемой категории преступлений, это, прежде всего, знание психологии личности преступника и психологической структуры пре-

ступного деяния, включая психологию организованной преступной деятельности;

4) знания в области криминалистической фотографии и навыки владения фото-видео и компьютерной техникой. Фото -, видеосъемка применяется для фиксации хода и результатов проведения следственных действий. Специальными знаниями в области цифровой фотографии необходимо владеть следователю, специалисту и эксперту. Современная цифровая фото-, видеоаппаратура на сегодня полностью заменила аналоговую.

Особенно нужно остановиться на специальных знаниях в отрасли компьютерной техники и цифровых технологий. Современное ее развитие позволяет применять компьютерную технику для фиксации хода следственных действий не только в стационарных условиях, но и на месте происшествия. Комплект техники, состоящий из портативного компьютера, принтера, цифрового фотоаппарата, микрофона и устройства мобильного связи, позволяет не только изготавливать на месте происшествия протоколы с фототаблицами, но и передавать информацию на любое расстояние;

5) специальные знания процесса хранения, учета и выдачи оружия на военных объектах, в органах и подразделениях МВД, а также навыки обращения с оружием. Такого рода специальные знания необходимы, потому что, около 75 % рассматриваемых преступлений происходит именно вследствие хищений его с военных и других объектов, где оно хранится. К этой группе относятся, прежде всего, знание нормативно-правовых актов, что регламентируют оборот оружия в РФ [8].

Кроме законодательной базы надо знать специфику деятельности подразделений, имеющих вооружение по учету, выдаче, списанию учтенного у них оружия. Этими знаниями в большинстве случаев владеют военнослужащие, которых возможно привлекать к расследованию как специалистов;

6) специальные знания в области технического исследования документов и почерковедения. Знания в этой области необходимы в случаях, если во время незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов преступниками были использованы поддельные документы. Такие случаи случаются, если оружие было завезено из-за рубежа по поддельным документам, или, когда под видом, например, травматического оружия ввозят огнестрельное. Нужно иметь знания внешнего вида и признаков сопроводительных документов в зависимости от способа перевозки: водным, железнодорожным или автомобильным транспортом, а также защитных элементов и способов их подделки. Специальные знания в отрасли технического исследования документов и почерковедения необходимы для выявления подделок при их осмотре во время извлечения при проведении следственных действий и во время проведения экспертизы.

Основной формой использования специальных знаний, кроме уже названных, является проведение экс-

пертиз. По результатам изучения материалов уголовных производств установлено, что наиболее распространенными судебными экспертизами при расследовании исследуемых преступлений являются: криминалистическая, а именно: экспертиза оружия и следов и обстоятельств его использования, взрывотехническая, трасологическая, техническая экспертиза документов, почерковедческая, а также товароведческая: военного имущества, техники и вооружения [8].

Из указанных выше, чаще всего назначается экспертиза оружия и следов и обстоятельств его использования, которая, в свою очередь, делится на: исследование огнестрельного оружия и боевых припасов к нему; исследование следов оружия, следов выстрела и ситуационных обстоятельств выстрела; исследование холодного оружия; исследование оружия с некинетическим принципом поражения; исследование гранатометов и ствольного артиллерийского оружия; исследование ракетно-реактивного оружия.

К основным задачам исследований огнестрельного оружия и боевых припасов к нему относятся [4]:

— установление принадлежности объектов к огнестрельному оружию или конструктивно подобных ей стреляющих изделий;

— установление принадлежности объектов к боеприпасам огнестрельного стрелкового оружия или конструктивно подобных им изделий;

— определение вида, системы (модели) и калибра огнестрельного оружия боеприпасов к нему, а также конструктивно подобных им изделий;

— определение состояния (исправности) оружия, боеприпасов к нему и пригодности их к стрельбе;

— установление способа изготовления или факта переработки огнестрельного оружия, боеприпасов к нему и конструктивно подобных им изделий;

— установление принадлежности объектов к частям (деталям) огнестрельного оружия и т. п.

Объектами таких исследований являются огнестрельное оружие и подобные ему стреляющие устройства с поражением цели за счет кинетической энергии стреляного снаряда как физического тела, а также боевые припасы к огнестрельному оружию.

Наиболее распространенными вопросами, которые решаются экспертизой огнестрельного оружия являются следующие:

1. Является ли огнестрельным оружием предмет, изъятый в подозреваемого?

2. Каким способом (промышленным или самодельным) изготовлено предмет (оружие, патрон), изъятый у подозреваемого?

3. К какому виду, системе, модели, калибру принадлежит данное оружие?

4. Пригодно ли данное оружие к стрельбе?

5. Исправно ли данное оружие? Если нет, то какие у него неисправности? Исключают ли эти неисправности возможность выстрела?

6. Является ли боеприпасом патрон, изъятый у подозреваемого?

7. К оружию какого вида, системы, модели, калибра предназначен патрон, изъятый у подозреваемого?

Основными задачами исследования холодного оружия являются установление принадлежности к холодному оружию изделий колющей, режущей, рубящего, ударно-раздробляющего действия, способа их изготовления, определение типа, вида, образца (для изделий промышленного производства) холодного оружия или конструктивно подобного ему изделия и т. д.

Основными задачами исследования гранатометов и ствольной артиллерийского оружия является установление их принадлежности к огнестрельному или реактивному оружию, определение их типа, вида, модели или

образца (для изделий промышленного производства), способа изготовления и пригодности для использования по назначению. Объектами исследования являются гранатометы реактивные и нереактивные, минометы, артиллерийские орудия и т. д.

Таким образом, подготовка и назначение судебных экспертиз при расследовании незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов, являются обязательным тактическим решением следователя. Использование специальных знаний именно в такой форме позволяет по принадлежности объектов оружия решить вопрос об ответственности по ст. 222 УК РФ, а по следам их применения установить причинно-следственные связи и обстоятельства такого события.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025)// Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954
2. Абдулмуслимов А. А., Раджабов Ш. Р. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // *Colloquium-journal*. — 2020. — № 20 (72). — С. 1–3
3. Афанасьев А. В., Бровкина Е. В., Смелова С. В. Уголовно-правовые и процессуальные расследования преступлений, предусмотренных статьями 222–226 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2021. — № 12 (204). — С. 167–169.
4. Богданов, А.В., Ильинский, И.И., Хазов, Е. Н. Особенности раскрытия преступлений и выявление лиц, осуществляющих сбыт огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств через сеть интернет // *Криминологический журнал: науч. журн. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя*. — 2020. — № 3. — С. 39–46
5. Иванов, В. Ю. Актуальные проблемы первоначального этапа расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов посредством сети интернет // *Материалы Всероссийской научной конференции памяти И. Ф. Герасимова*. Екатеринбург, 2020. — С. 99–103
6. Корноухов, В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы: монография / В. Е. Корноухов. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 224 с.
7. Поляков Н. В., Юсупова О. А. К вопросу о расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на первоначальном этапе // *Алтайский юридический вестник*. — 2020. — № 2 (30). — С. 109–111
8. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств/ Алимамедов Э. Н., Блинова Е. В./ *Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя (Москва)* — 2021. — 320 с.
9. Шаров К. В. Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия: особенности расследования в новых субъектах РФ. *Юридическая наука и практика*. 2024–20(2) — С. 80–87
10. Яблоков, Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография / Н. П. Яблоков. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 192 с.

Понятие, значение и классификация принципов административного судопроизводства в Российской Федерации

Демидова Юлия Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

В теории государства и права, как в юридической науке, так и учебной дисциплине, принципы права рассматриваются как основополагающие положения.

Принципы, закрепленные в нормах отечественного законодательства, формируют систему права Российской Федерации.

По мнению Бошно С. В., «принципы права отличаются разнообразием исходя из их происхождения, роли в правовой системе, места нахождения. Они находят своё закрепление в текстах законов и иных правовых актов, в учёных трактатах [2]».

Существует несколько классификаций принципов права в соответствии с определенными критериями, например, по характеру нормативно-правового акта, в котором закреплены — конституционные и отраслевые, или по сфере деятельности — межотраслевые и отраслевые.

Получается, что сущность принципов административного судопроизводства Российской Федерации раскрывается через классификацию принципов права, т. е.:

- принципы административного судопроизводства закреплены в «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025);

- принципы административного судопроизводства являются определяющими положениями административного судоустройства и судопроизводства.

Значит, принципы административного судопроизводства, закреплены в статье 6 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025), которые являются основополагающими положениями, определяющими основу организации и деятельности суда, рассматривающего административные дела.

На основании определения понятия принципов административного судопроизводства можно выявить их характеристики:

- основополагающие положения — базис, формирующий систему административного судопроизводства;
- юридически закрепленные положения — являются нормами;
- обязательны к исполнению всеми субъектами административного судопроизводства.

Принципы определяют природу административного процесса, т. е. являются базисом, формирующим «механизм реализации прав и обязанностей субъектов административного судопроизводства [4]», что раскрывает значение принципов административного судопроизводства:

- во-первых, принципы административного судопроизводства определяют социальную направленность категорий дел, которые суды рассматривают в соответствие с нормами «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025);

- во-вторых, принципы административного судопроизводства помогают юристам, работающим в различных сферах деятельности, правильно толковать и применять нормы «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025);

- в-третьих, принципы административного судопроизводства участвуют в применении аналогии права и аналогии закона, что закреплено в части 4 статьи 2 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025).

Принципы административного судопроизводства закреплены в статье 6 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) — «принципами административного судопроизводства являются:

- 1) независимость судей;
- 2) равенство всех перед законом и судом;
- 3) законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел;
- 4) осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок;
- 5) гласность и открытость судебного разбирательства;
- 6) непосредственность судебного разбирательства;
- 7) состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда [1]».

«Однако состав принципов административного судопроизводства не исчерпывается приведенными их перечнем в статье 6 КАС РФ [3]». Другими словами, принципы административного судопроизводства закреплены в «Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) несколькими способами, представленными в таблице 1.

Таблица 1. Принципы административного судопроизводства, закрепленные в «Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации»

Способ закрепления	«Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»
Прямое закрепление	Статья 6. Принципы административного судопроизводства
Объектированные в тексте в качестве норм-принципов	Например: Статья 29. Единоличное и коллегиальное рассмотрение административных дел; Статья 140. Устность судебного разбирательства
Косвенное закрепление	Например: принципа осуществление правосудия только судом (ст. 1,17); принципов диспозитивности (ст. 4, 24, 46, 85, 137, 157, 178); принципы истины (ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст.62, ст. 63).

Способ закрепления принципов административного судопроизводства не влияет на степень значимости каждого принципа в системе принципов административного судопроизводства, что раскрывается в следующих аспектах:

- нарушение принципов административного производства является причиной отмены решения суда, что закреплено в статье 310 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025);
- взаимосвязь принципов административного судопроизводства, т. е. только все вместе принципы формируют систему принципов административного судопроизводства;
- соблюдение одних принципов — залог соблюдения остальных принципов, т. е. формируется причинно-следственная связь между принципами, что подтверждается следующим примером: нарушение принципа законности может быть вызвано несоблюдением объективности и непосредственности исследования доказательств.

Классификация принципов административного судопроизводства представлена на рисунке 1.

В основе классификация принципов административного судопроизводства лежит такой критерий как объект ре-

гулирования, т. е. в зависимости от того, что регулируют принципы — одновременно судоустройство и судопроизводство или только судопроизводство — принципы дифференцируются на организационно-функциональные и функциональные.

Таким образом, принципы административного судопроизводства являются фундаментом построения системы административного судопроизводства, формируя механизм функционирования административного судопроизводства через реализацию прав и обязанностей субъектов.

Принципы административного судопроизводства образуют единую логико-правовую систему, основой которой являются следующие положения — соблюдение одних принципов — залог соблюдения остальных принципов.

Значение принципов административного судопроизводства заключается в защите прав участников административного судопроизводства, формирование справедливого осуществления судопроизводства, помогают правильно толковать и применять нормы административного судопроизводства, а также участвуют в формировании правоприменительной практики.



Рис. 1. Классификация принципов административного судопроизводства по объекту регулирования

Литература:

1. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025) / СПС «Консультант Плюс» — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (Дата обращения 02.09.2025);
2. Бошно С. В. Принципы права: понятие, классификация / С. В. Бошно // Право и современное государство. — № 4. — 2019. — с. 53–59. — С. 54. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-prava-ponyatie-klassifikatsiya> (Дата обращения 02.09.2025);
3. Муравьев А. А. Административное судопроизводство в вопросах и ответах: учебное пособие/ под общ. ред. А. А. Муравьева. — Москва: Проспект, 2025. — 480 с. — С. 28.;
4. Свирин Ю. А. Административное судопроизводство: Учебник для вузов/ Ю. А. Свирин. — М.: Прометей, 2025. — 394 с. — С.- 52;
5. Треушников М. К. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд./ Под ред. М. К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Гордец», 2017. — 464 с.

Современные мировые реалии и проблемы искусственного интеллекта в законодательстве

Жунусова Лаззат Болатхановна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует влияние искусственного интеллекта (ИИ) на развитие юридической деятельности.

Ключевые слова: ИИ, право, закон.

Искусственный интеллект (ИИ) меняет отрасли, процессы принятия решений и творческие сферы. Ее влияние распространяется на здравоохранение, транспорт, связь и развлечения, что создает уникальные проблемы для существующих правовых систем.

Традиционные законы часто не учитывают сложности, связанные с ИИ, что приводит к появлению специализированной правовой области: права ИИ. Адвокаты в этой области должны решать сложные вопросы, такие как регулирование машинного контента, обеспечение конфиденциальности данных и назначение ответственности в случае сбоя систем искусственного интеллекта.

Как правило, законодательство об искусственном интеллекте имеет дело с правовыми последствиями искусственного интеллекта. На практике его специализация сосредоточена на любых правовых областях, с которыми взаимодействует ИИ, включая споры об интеллектуальной собственности, правила конфиденциальности, предвзятость алгоритмов и проблемы ответственности. Интеграция ИИ в бизнес и повседневную жизнь обуславливает потребность в специалистах в области права, а также в технологиях. Юристы в области права ИИ часто работают с компаниями, разрабатывающими инструменты ИИ, правительствами, разрабатывающими нормативные акты, и частными лицами, на которых распространяются решения, управляемые ИИ.

Закон об искусственном интеллекте также устраняет разрыв между технологическим прогрессом и этическими соображениями. Например, правовые системы должны решать, как обрабатывать решения, принимаемые автономными системами, которые не являются ни человеческими, ни связанными теми же правилами. Эта развивающаяся область предоставляет уникальную возможность юристам влиять на будущее технологической политики.

Системы искусственного интеллекта, такие как ChatGPT и DALL-E, генерируют творческие работы, но остаются вопросы о том, кому принадлежат эти результаты. Действующие законы об авторском праве требуют авторства человека для защиты. Например, Бюро по авторскому праву США недавно приняло политику, согласно которой произведения искусства, созданные исключительно искусственным интеллектом, не могут быть защищены авторским правом. В соответствии с политикой Ведомства по авторскому праву заявители на регистрацию «обязаны раскрывать информацию о включении

контента, созданного искусственным интеллектом, в произведение, представленное на регистрацию».

Споры о праве собственности осложняют ведение бизнеса. Разработчики, пользователи и организации могут претендовать на права на произведения, созданные искусственным интеллектом. Адвокаты должны составлять договоры, разъясняющие эти права, чтобы предотвратить судебные разбирательства. Эта проблема также поднимает более широкие вопросы о том, нуждаются ли существующие законы об интеллектуальной собственности в реформе для учета ИИ.

Функционирование ИИ зависит от огромных объемов данных, многие из которых являются персональными и конфиденциальными. Например, инструменты здравоохранения на основе искусственного интеллекта анализируют данные пациентов для прогнозирования заболеваний, в то время как платформы социальных сетей используют алгоритмы для определения предпочтений пользователей. Эти приложения выявляют пробелы в действующих законах о конфиденциальности, которые были разработаны без учета возможностей ИИ.

Юристы, специализирующиеся на законодательстве в области искусственного интеллекта, должны учитывать соблюдение нормативных требований, с учетом рисков, связанных с искусственным интеллектом. Например, инструмент ИИ может делать выводы о рисках для здоровья от активности в социальных сетях, обходя традиционные гарантии конфиденциальности. Адвокаты помогают организациям балансировать между инновациями и доверием потребителей, разрабатывая политики, которые соответствуют законодательным требованиям и этическим стандартам.

Предвзятость в алгоритмах ИИ представляет собой серьезную правовую и этическую проблему. Исторические данные, используемые для обучения ИИ, часто отражают социальное неравенство, которое системы ИИ могут увековечить. Например, алгоритмы найма могут отдавать предпочтение кандидатам-мужчинам, а не женщинам, в то время как инструменты предиктивной полиции непропорционально нацелены на сообщества меньшинств.

Ответственность за предвзятые результаты неясна. Должна ли вина ложиться на разработчиков, организации, внедряющие ИИ, или тех, кто предоставил данные? Адвокаты, работающие в этой области, выступают за большую прозрачность процессов принятия решений с помощью ИИ. Они также настаивают на политике, требующей ре-

гулярного аудита алгоритмов для выявления и смягчения предвзятости.

По мере того, как системы ИИ приобретают автономию, определение ответственности становится все более сложным. Когда беспилотный автомобиль становится причиной аварии, кто несет за это ответственность — производитель, разработчик программного обеспечения или владелец? Аналогичные дилеммы возникают и в здравоохранении, где инструменты искусственного интеллекта помогают в диагностике и лечении, но могут давать вредные советы.

Существующие системы ответственности не предназначены для таких сценариев. Юристы, специализирующиеся на праве в области искусственного интеллекта, должны ориентироваться в этих пробелах, помогая установить четкие правила распределения ответственности. Они также работают со страховщиками над разработкой полисов, учитывающих риски, связанные с искусственным интеллектом.

Право в области искусственного интеллекта требует уникального сочетания юридического опыта, технологических знаний и этического понимания. Традиционное юридическое образование не в полной мере готовит юристов к решению сложностей ИИ, поэтому специализация имеет важное значение. Юристы должны понимать, как работают системы ИИ, интерпретировать меняющиеся правила и учитывать этические последствия.

Ведущие университеты мира теперь предлагают курсы, посвященные искусственному интеллекту и его юридическим проблемам. Например, Калифорнийский университет в Беркли проводит специализированное обучение, чтобы вооружить юристов навыками, необходимыми в этой новой области, через Институт ИИ Беркли и Центр политики ИИ Беркли. Непрерывное образование также имеет решающее значение, потому что искусственный интеллект быстро развивается, и юристы должны быть в курсе технологических достижений и нормативных изменений. Семинары, сертификации и мастер-классы помогают специалистам в области права оставаться эффективными в этой динамично развивающейся области.

Этика играет центральную роль в праве в области искусственного интеллекта. Помимо обеспечения соответствия, юристы должны консультировать клиентов по вопросам ответственного использования ИИ. Это включает в себя продвижение справедливости, предотвращение вреда и приведение технологий в соответствие с общественными ценностями. Например, адвокаты могут рекомендовать политику для повышения прозрачности алгоритмов принятия решений, способствуя укреплению доверия между компаниями и пользователями. Этические соображения также влияют на нормативно-правовую базу. Правительства и организации все чаще отдают приоритет этическим практикам ИИ, что делает опыт в этой области критически важным для юристов. По мере развития ИИ опытные юристы становятся все более не-

обходимыми, а возможности для юристов применять эту специализацию растут.

Компании, внедряющие ИИ, сталкиваются со сложными юридическими и этическими проблемами. От соблюдения требований к конфиденциальности данных до споров в области интеллектуальной собственности — компаниям необходимо руководство, чтобы разобраться в этих вопросах. Юристы, специализирующиеся на праве в области искусственного интеллекта, помогают организациям разрабатывать структуры управления, составлять контракты и управлять рисками. Стартапы и технологические компании часто обращаются за юридической консультацией во время разработки инструментов искусственного интеллекта. Адвокаты играют ключевую роль в обеспечении соответствия этих технологий нормативным требованиям, сохраняя при этом этические стандарты. Эта консультативная роль имеет важное значение для ответственного стимулирования инноваций.

Споры с участием ИИ становятся все более распространенными. Они варьируются от претензий об авторских правах на контент, созданный искусственным интеллектом, до дел об ответственности, связанных с автономными транспортными средствами. Юристы с опытом работы в области права ИИ занимаются этими делами, часто создавая новые юридические прецеденты. Например, они могут спорить о том, является ли вклад пользователя в систему ИИ соавторством, формируя то, как суды интерпретируют законы об интеллектуальной собственности.

Закон об искусственном интеллекте все еще находится в зачаточном состоянии, и правовая база далека от завершения. Юристы имеют возможность влиять на то, как составляются эти правила. Участвуя в дискуссиях по вопросам политики, они помогают обеспечить управление технологиями ИИ таким образом, чтобы обеспечить баланс между инновациями и подотчетностью. Политическая работа также включает в себя пропаганду большей прозрачности и справедливости в системах ИИ. Юристы могут внести свой вклад в создание руководящих принципов, которые защищают права личности и способствуют технологическому прогрессу.

Право в области искусственного интеллекта — это быстро развивающаяся область с огромным потенциалом. Он ставит перед юристами задачу адаптировать традиционные правовые принципы к миру, управляемому технологиями. Адвокаты должны сочетать юридический опыт с технической грамотностью и этической осведомленностью, чтобы решать уникальные задачи ИИ.

Ожидается, что спрос на специалистов в области права ИИ будет только расти по мере того, как ИИ становится все более интегрированным в общество. Юристы в этой области имеют возможность влиять на то, как ИИ разрабатывается, регулируется и используется. Решая ключевые проблемы конфиденциальности данных, предвзятости и ответственности, они гарантируют, что ИИ ответственно служит обществу.

Право на основе искусственного интеллекта представляет собой преобразующую возможность для юридической профессии. Адвокаты, которые работают в этой области, могут играть ведущую роль в создании политики и механизмов, защищающих права человека и спо-

собствующих технологическому прогрессу. Путь к тому, чтобы посвятить себя этой развивающейся области юридической практики, требует самоотверженности и сотрудничества, но карьера в области права ИИ может дать шанс оказать долгосрочное влияние на общество.

Литература:

1. Чаннов С. Е. Искусственный интеллект в юридической деятельности. — М.: Юрайт, 2025.
2. Блажеев В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии. — М.: Проспект, 2022.
3. Шахназаров Б. А. Международное право интеллектуальной собственности. — М.: Проспект, 2023.

Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени

Захарченко Наталья Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования рабочего времени, в которой рассматриваются вопросы длительности рабочего дня, сверхурочной работы, гибких форм занятости, контроля рабочего времени и социальной защиты работников. Анализируются трудности внедрения современных технологий и международные стандарты, влияющие на соблюдение прав работников и эффективность трудовых отношений.

Ключевые слова: рабочее время, трудовое право, сверхурочная работа, гибкая занятость, дистанционная работа, охрана труда.

Правовое регулирование рабочего времени является одним из ключевых аспектов трудового права, направленным на обеспечение баланса между интересами работодателя и правами работников, поскольку в современном обществе, где трудовые отношения становятся всё более гибкими и разнообразными, вопросы регулирования рабочего времени приобретают особую актуальность. Эффективная организация рабочего времени способствует сохранению здоровья работников, повышению их производительности, а также снижению социальных рисков, связанных с трудовой эксплуатацией.

Законодатель достаточно подробно урегулировал отношения по установлению рабочего времени и времени отдыха. Рабочее время определено в ст. 91 ТК РФ — это такое время, в течение которого работник выполняет свою трудовую функцию, т. е. свои трудовые обязанности. Время отдыха определено в ст. 106 ТК — это такое время, когда работник отдыхает и не обязан выполнять свои трудовые обязанности. Если же вдруг так происходит, что работника привлекают к выполнению своих трудовых обязанностей практически в течение времени отдыха, то законодатель обязывает работодателя оплачивать такой труд в повышенном размере [1].

Одной из ключевых проблем является определение оптимальной длительности рабочего времени: в большинстве стран законодательство устанавливает стандартную продолжительность рабочего дня и рабочей недели, однако современная практика показывает, что эти нормы

зачастую нарушаются. В России, например, стандартная рабочая неделя составляет 40 часов, однако увеличение объема работ, частые переработки и неофициальные сверхурочные создают угрозу выгоранию и снижению производительности работников.

Международная организация труда (МОТ) в 2009 г. провела исследование мер социальной защиты и занятости в связи с глобальным экономическим кризисом. По результатам исследования было отмечено, что сокращение продолжительности рабочего времени позволяет сохранить рабочие места и удержать на них работников, указывая при этом, что — «Сверхурочное и нетипичное время работы подрывает физическое и умственное здоровье, нарушает равновесие между трудовой и личной жизнью, и часто говорит о заниженной почасовой оплате. Также, сверхурочная работа снижает производительность труда» [4, с. 105].

Современный рынок труда характеризуется ростом гибких форм занятости: дистанционной работы, частичной занятости, фриланса, которые создают трудности для традиционного правового регулирования. Например, дистанционные работники зачастую сами устанавливают режим своего рабочего времени, что осложняет контроль за соблюдением норм рабочего дня и времени отдыха. Правовая база для таких форм занятости часто оказывается недостаточной, в частности, не всегда ясно, как учитывать сверхурочные часы для удалённых сотрудников, как формально зафиксировать время начала и окончания

рабочего дня, а также как обеспечивать соблюдение прав на отдых.

Еще одной проблемой является эффективный контроль и учет рабочего времени, так как традиционные методы учета, такие как табели и журналы, оказываются недостаточными в условиях современных технологий. В то же время использование цифровых систем мониторинга порождает вопросы о конфиденциальности, защите персональных данных и возможных злоупотреблениях со стороны работодателей. В связи с этим, эффективное правовое регулирование должно находить баланс между обеспечением контроля рабочего времени и защитой прав работников на личную жизнь, что особенно важно в условиях удаленной работы, когда границы между трудовой и личной сферой становятся размытыми.

Использование цифровых устройств и возможность выполнения трудовой функции дистанционно влечет за собой «размытие границ» трудового дня, а перевод значительной части работников на удаленные рабочие места в связи с эпидемией, согласно данным Европейского парламента в рамках отчета «Жизнь, Работа, Covid19», оказывает негативное влияние на психологическое состояние граждан [3, с. 158]. Здесь необходимо отметить, что вышеуказанными нововведениями в российском трудовом законодательстве было закреплено требование об учете в качестве рабочего времени периодов взаимодействия дистанционного работника с работодателем.

Также важно обратить внимание на тот факт, что рабочее время оказывает прямое влияние на здоровье и психологическое состояние сотрудников. Длительные переработки, несоблюдение норм отдыха и отсутствие гибкого графика повышают риск профессионального выгорания, стрессовых расстройств и хронической усталости. С точки зрения трудового законодательства, важно

не только формально устанавливать пределы рабочего времени, но и обеспечивать их соблюдение на практике, что требует комплексного подхода, включающего профилактику перегрузок, внедрение стандартов охраны труда и психологической поддержки работников.

Современные тенденции глобализации создают дополнительные вызовы для правового регулирования рабочего времени. Международные стандарты, закрепленные, например, в Конвенциях Международной организации труда, рекомендуют оптимальные режимы работы, включая продолжительность рабочего дня, отдых и отпуск, однако на практике страны различаются в подходах к регулированию рабочего времени. Как отмечает П. Г. Алексеенко: «Институт рабочего времени и времени отдыха в России отрегулирован окончательно, однако и в наши дни не смолкают дискуссии по вопросам сочетания времени труда и времени отдыха. Так, например, в одном из своих телевизионных интервью экс-Председатель правительства РФ Медведев высказал мысль о необходимости введения в стране четырехдневной рабочей недели, а председатель союза промышленников и предпринимателей России Прохоров напротив посчитал правильным введение двенадцати часового рабочего дня» [2, с. 13].

Таким образом, можно сказать о том, что актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени связаны с необходимостью адаптации законодательства к современным реалиям: росту гибких форм занятости, цифровизации трудовых процессов, глобализации и усилению нагрузки на работников. Для эффективного регулирования требуется комплексный подход, включающий не только установление формальных норм, но и контроль за их соблюдением, защиту прав работников, профилактику профессиональных рисков и гармонизацию национального законодательства с международными стандартами.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. от 07.04.2025 № 63-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Алексеенко, П. Г. Правовое регулирование рабочего времени и времени отдыха в России / П. Г. Алексеенко, А. В. Швец // Правовая система России: история, современность, тенденции развития: Сборник материалов VIII заочной всероссийской научно-практической конференции, Благовещенск, 25 февраля 2021 года. — Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. — С. 6–13.
3. Гунай, А. Ч. Вопросы правового регулирования рабочего времени и времени отдыха при цифровизации трудового процесса / А. Ч. Гунай // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. В 3-х частях, Краснодар, 10–30 марта 2021 года / Отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Том Часть 3. — Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. — С. 156–160.
4. Кон, Е. С. Правовое регулирование рабочего времени и времени отдыха / Е. С. Кон, В. Н. Аповевич // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. — 2021. — Т. 2. — С. 104–106.

Административное правонарушение и преступление: основания разграничения

Канкулов Инал Бесланович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается вопрос, касающийся оснований разграничений таких понятий, как административное правонарушение и преступление. Административное правонарушение и преступление являются очень близкими понятиями. И преступление, и правонарушение включают в себя признаки наказуемости, противоправности, виновности, в связи с чем разграничение может быть произведено лишь по критерию общественной опасности, которая характеризует уголовное преступление. Для административного правонарушения в отличие от уголовного преступления характерен критерий общественной вредности.

Ключевые слова: административное правонарушение, преступление, административная ответственность, административная преюдиция.

Administrative offence and crime: grounds for distinction

The article examines the issue concerning the grounds for distinguishing between such concepts as administrative offence and crime. Administrative offence and crime are very close concepts. Both crime and offence include the features of punishability, illegality, guilt, in connection with which the distinction can be made only by the criterion of social danger, which characterizes a criminal offence. For an administrative offence, in contrast to a criminal offence, the criterion of social harm is characteristic.

Keywords: administrative offense, crime, administrative responsibility, administrative prejudice.

Если сравнивать административное право с другими отраслями публичного права и располагать его по императивности норм, содержащихся в нем, то административное право можно поместить на второе место после уголовного права, которое предусматривает наиболее высокую установленную государством ответственность — уголовную.

Административное право очень близко подходит в своем определении к уголовному праву. Оно содержит весьма близкие правовые определения и понятия, имеет общие категории общественно охраняемых интересов.

Административная ответственность, являющаяся одной из сторон административного права, предусматривается в различных видах: штраф, предупреждение, дисквалификация, лишение специального права, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное выдворение, административное приостановление деятельности, административный арест, обязательные работы, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в день их проведения.

Рассмотрев меры наказания и виды ответственности, можно сказать, что административное законодательство представляет собой достаточно суровый способ контроля за обществом, гражданами и государственными органами.

Административная ответственность возникает при совершении административного правонарушения — нарушения закона физическим или юридическим лицом, за которое предусмотрено административное наказание.

Продолжая проводить параллели с уголовным правом, преступление можно определить как виновно совершенное общественно опасное действие, запрещенное уголовным законодательством.

Определения административного правонарушения и преступления идентичны, отличие только в степени общественной опасности. Административное правонарушение является менее опасным для общества и здесь можно говорить об общественной вредности содеянного. А что касается преступления — здесь речь идет об общественной опасности.

Часто бывает, что одно действие может быть признано и административным правонарушением, и уголовным преступлением. Повторное совершение может привести к уголовной ответственности, что противоречит принципу невозможности повторного осуждения за одно противоправное деяние. Такое положение прямо вступает в конфликт с нормой, предусмотренной ст.50 Конституции РФ [1], когда никто не может быть повторно осужден за одно и то же противоправное деяние.

Человек, который нарушил закон и получил административное наказание, может быть привлечен к уголовной ответственности при повторном совершении того же правонарушения. Например, вождение транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения может привести к уголовной ответственности в случае если лицо, совершившее нарушение, уже был привлечен к административной ответственности.

В Уголовный кодекс РФ были внесены изменения и добавлена статья об ответственности за неоднократное нарушение правил проведения митингов, но ее применение было приостановлено после многочисленных обращений в Конституционный Суд.

Исследователи отмечают, что наличие смежных норм усложняет определение преступлений и административных правонарушений. Проблема разграничения со-

ставов имеет важное практическое значение. В результате проведенного анализа состава Уголовного кодекса РФ А. В. Галаховой, показал, что 10 из 19 глав УК РФ содержат аналогичные составы преступлений пересекающихся с Кодексом об административных правонарушениях [2].

Нарушение закона, за которое следует административная ответственность, и совершенное после этого деяние, может послужить основанием для уголовной ответственности. Этот переход от административной ответственности к уголовной называется административной преюдицией. Сама по себе идея о законодательном закреплении административной преюдиции вызывает споры среди специалистов. Считается, что такой подход может привести к нелогичным ситуациям, когда за незначительное правонарушение предусмотрено уголовное наказание, а за серьезное — только административная ответственность.

Уголовный кодекс РФ криминализует повторное совершение административных правонарушений уголовным составом, в них содержатся нормы, предусматривающие основание возбуждения уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности за повторные административные правонарушения. Вышесказанное противоречит презумпции невозможности двойной ответственности, установленной в Конституции РФ. Исполнение назначенного административного наказания не может быть криминализованным ни при каких условиях, поскольку это есть деяние не только не противоправное, но правовое, законное и юридически абсолютно правомерное.

В соответствии с уголовным законодательством, неоднократное нарушение лицом, находящимся под административным надзором или ограничениями, приравнивается к совершению преступления.

Иваненко И. Н. и Пенькова А. С. отмечают наличие административной преюдиции в российском уголовном законодательстве [3]. Однако они считают несправедливым привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же правонарушение несколько раз. Повторное правонарушение, совершенное в разные моменты времени и обстоятельствах, не должно рассматриваться как угроза обществу. Поэтому авторы предлагают применять более строгое административное наказание, а не уголовное преследование.

В уголовном законодательстве есть понятие рецидива преступления, и наш взгляд, целесообразно введение аналогичного понятия для административного права, чтобы избежать проникновения уголовных норм в административное право, которые делают более репрессивным и карательным.

В административном праве многие виды наказаний имеют сходство с мерами уголовного наказания: обязательные работы, арест, дисквалификация, конфискация орудий преступления. В связи с этим исследователи задаются вопросом, не являются ли административные наказания подвидом уголовной ответственности из-за схожести системы наказаний и принципов их назначения.

Шевченко Ю. П. и Косицин И. А. отмечают, что определения административного правонарушения и уголовного преступления практически одинаковы. Главное различие заключается в общественной опасности преступления и общественной вредности правонарушения [4].

Авторы отмечают еще одну немаловажную характеризующую особенность — это первоначально процессуальное производство при выявлении противоправных и наказуемых признаков деяния, что вызывает вопросы о необходимости применения процессуальных норм КоАП РФ [5] или же Уголовно-процессуального Кодекса РФ [6]. К таким граничным составам деяния относятся незаконное хранение наркотических средств — ч.1 ст.6.8 КоАП РФ или ч.1 ст.228 УК РФ [7] (определяется по размеру хранимого наркотического вещества); нарушение ПДД, повлекшее причинение вреда здоровью человека — ст.12.24 «Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или ст.264 УК РФ (определяется по степени тяжести причиненного вреда); хищение чужого имущества — ст.7.27. «Мелкое хищение» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или ст.158 УК РФ (определяется по стоимости похищенного имущества); нарушение правил оборота оружия — ч.4 ст.20.8 КоАП РФ или ч.1 ст.222 УК РФ и т. д.

Если речь идет о преступлении, процессуальное производство будет регулироваться нормами УПК РФ, а если это правонарушение, то необходимо применять КоАП РФ. Неправильное применение норм может означать последующее признание недопустимыми доказательств, что грозит разрушением доказательственной базы по делу. Это означает, что правоприменитель поставлен в такую ситуацию, когда определение общественной опасности отдано на субъективную оценку правоприменителю, который квалифицирует содеянное по первичным объективным признакам.

Таким образом, административное правонарушение и преступление являются очень близкими понятиями. Практически все исследователи единодушны во мнении, что и преступление, и правонарушение включают в себя признаки наказуемости, противоправности, виновности, в связи с чем разграничение может быть произведено лишь по критерию общественной опасности, которая характеризует уголовное преступление. Для административного правонарушения характерен критерий общественной вредности. В ходе исследования обнаружены проблемы наличия института административной преюдиции, когда повторное совершение административного правонарушения квалифицируется уголовным составом, что может противоречить принципу недопустимости повторной ответственности, закрепленной как в Конституции РФ, так и в КоАП РФ и УК РФ. Кроме того, ряд статей УК РФ прямо включает в свой объективный

состав повторное совершение административных правонарушений как обязательный квалифицирующий признак. Проблема разграничения понятий общественной опасности и общественной вредности законодатель никак не рассматривает в контексте законопроектов, отдавая определение данного понятия на самостоятельное усмотрение правоприменителя, при этом помимо материального состава имеются сложности и процессуального характера, которые связаны с необходимостью применения надлежащих процессуальных норм при выявлении

признаков наказуемого деяния. При этом выбор процессуальных норм КоАП РФ или УПК РФ опять же зависит от общественной опасности и разрешается применителем самостоятельно при возбуждении соответствующего производства. Между тем, для объективности необходимо заметить, что законом предусмотрена возможность как криминализации совершенного деяния из правонарушения в преступление в случае первоначально ошибочной квалификации, так и декриминализации содеянного, если изначально квалификация была дана избыточно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Галахова А. В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 14.
3. Иваненко И. Н., Пенькова, А. С. Разграничение административного правонарушения и преступления // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 129.
4. Шевченко Ю. П., Косицин И. А. Административное правонарушение и преступление: в чем отличие? // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Государственное управление в сфере защиты прав несовершеннолетних: преимущества и недостатки

Кожина Анастасия Олеговна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор рассматривает государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних. Он подчеркивает важность этой деятельности, указывая на уязвимость детей и подростков и необходимость их особой защиты.

Ключевые слова: государственное управление, защита прав несовершеннолетних, социальные гарантии, профилактика безнадзорности, законодательство, права и свободы граждан.

Государственное управление — это деятельность органов власти, которая направлена на выполнение функций государства, обеспечивающая охрану прав и свобод граждан. В свою очередь, государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних представляет собой комплекс мер и действий, осуществляемых органами государственной власти и местного самоуправления для обеспечения прав и интересов детей и подростков, а также на восстановление их прав в случае нарушения.

В современном обществе вопросы, связанные с защитой прав несовершеннолетних, приобретают особую

актуальность ввиду того, что дети и подростки являются уязвимой категорией населения и нуждаются в особой защите как со стороны общества, так и со стороны государства, ведь дети — это наше будущее и их благополучие напрямую влияет на развитие общества.

Выделим несколько положительных аспектов, характеризующих данную сферу:

1) Защита прав и интересов несовершеннолетних лежит в первую очередь на родителях, а также на государстве в лице органов власти. Одна из ключевых задач родителей — это обеспечение безопасности и благопо-

лучия детей. При этом родители могут выступать в защиту своих детей в любых ситуациях, поскольку для выполнения определенных действий или осуществления определенных прав не требуется получение специального разрешения или лицензии от государственных органов. Действуя в интересах ребенка, родители должны принимать во внимание только его потребности и желания. Защита прав ребенка должна продолжаться до достижения им совершеннолетия, что подчеркивает долгосрочный характер и значимость данного аспекта.

2) Социальная поддержка детей обеспечивается государственными органами посредством пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Например, жилищные права несовершеннолетних реализуются через систему опеки и попечительства, направленную на гарантирование их права на проживание в безопасной и здоровой среде. Вместе с тем на основании Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» несовершеннолетним предоставляется жилое помещение. Эти права распространяются не только на получение жилья, но и на его сохранение и управление им, что обеспечивается государственными мерами социальной поддержки. Так, согласно статистике, в Ивановской области наблюдается тенденция к увеличению числа приобретаемых квартир для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В 2023 году было приобретено 195 квартир, что является рекордом за последние годы; в 2022 году — 161 квартира, а в 2024 году — 172. В 2025 году планируется приобрести еще 193 квартиры. Это свидетельствует о стабильной государственной политике по поддержке данной категории детей и улучшении их жилищных условий.

3) Государство активно поддерживает создание и внедрение образовательных программ для детей и подростков. Эти программы помогают им понять, какие ценности, знания и навыки необходимы для успешной жизни в обществе, и получить их. Все это соответствует национальным целям и стратегическим задачам развития России. Например, существуют программы профессионального обучения, которые готовят подростков к современным профессиям, востребованным на рынке труда. Ученики могут получить образование для работы в ИТ, строительстве, медицине и других важных сферах. Это значительно увеличивает их шансы на успешное трудоустройство после школы.

Программа «Приоритет-2030» входит в федеральный проект «Университеты для поколения лидеров», который является частью национального проекта «Молодежь и дети». Вузы-участники будут сотрудничать с регионами, чтобы обеспечить их кадрами и технологиями. Они будут привлекать молодежь к участию в проектах профессионального развития. Грамотные люди могут изменить мир к лучшему.

4) Реализуются программы, направленные на предотвращение безнадзорности и правонарушений среди

детей, включая работу с семьями и школами. Значимость развития системы профилактики безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних, социальной реабилитации детей, совершивших правонарушения и преступления, в том числе повторно, также отражена в национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации. К примеру, Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.04.2025 № 411 утверждено положение «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Данный документ был разработан в целях информационного обеспечения и автоматизации деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав, а также обеспечения контроля за деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав.

В качестве аспектов, которые еще нуждаются в проработке, отметим следующие:

1) Ограниченность государственного бюджетирования, что является серьезной проблемой, которая оказывает значительное влияние на возможности финансирования программ и мероприятий, направленных на поддержку несовершеннолетних. Для решения этой проблемы необходимо проводить комплексный анализ и оптимизацию бюджетных расходов, привлекать дополнительные источники финансирования и развивать программы социальной поддержки.

2) На сегодняшний день в российском законодательстве нет единой научно обоснованной системы регулирования прав и интересов несовершеннолетних. Вместо этого существуют отдельные правовые нормы в различных областях, таких как конституционное, уголовное, гражданское, трудовое и семейное право. Вместе с тем следует согласиться с мнением А. С. Арутюняна, который считает, что в целях повышения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних лиц существует необходимость принятия в России кодифицированного акта для несовершеннолетних под названием «Кодекс несовершеннолетних», который объединил бы в себе все отрасли права [7].

3) Школьная программа не предусматривает обучение правам человека и правам ребенка в частности. Для того чтобы включить эти темы в учебный процесс, необходимо участие выпускников педагогических вузов, колледжей и училищ, а также специалистов в области права. Однако будущие учителя не получают достаточного количества знаний по этим вопросам. В связи с этим необходимо разработать и внедрить специализированные курсы по правам человека и правам ребенка в учебные программы школ, а также образовательных учреждений для педагогов и юристов. Для этого потребуются внести изменения в существующие образовательные стандарты.

4) Проблема взаимодействия государственных структур. Нечеткое распределение обязанностей и слабая координация между ведомствами часто приводят к раз-

ладу в защите прав детей и снижают эффективность принимаемых мер. Для обеспечения безопасности детей важно, чтобы государственные органы работали слаженно.

Также следует отметить недостаточный уровень контроля за исполнением законов. Несмотря на наличие законодательства, защищающего права детей, не всегда удается обеспечить его полное и эффективное выполнение на всех уровнях. На практике часто возникают случаи, когда эти законы не выполняются или выполняются формально. Например, школы могут не обеспечивать достаточное ко-

личество учебных материалов или квалифицированных педагогов, а социальные службы — не оказывать своевременную помощь детям из неблагополучных семей.

На основании вышеизложенного следует отметить, что для повышения эффективности системы государственного управления реализацией мер по защите прав несовершеннолетних необходимо решение вопросов, связанных с оптимизацией финансирования и систематизацией законодательной базы. Это создаст целостную систему поддержки детей и подростков, способствуя их благополучию и развитию общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газета, 1993. — № 237.
2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ // СЗ РФ, 1996. — № 52. — Ст. 5880.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // СЗ РФ, 2018. — № 20. — Ст. 2817.
4. Концепция развития образования в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 1701. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/>
5. Положение о государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: постановление Правительства Российской Федерации от 01.04.2025 № 411. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504020037>
6. Азарова, Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография / Е. Г. Азарова. — Москва: Контракт, 2012. — 256 с.
7. Арутюнян, А. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности. — Москва, 2012. — 30 с.
8. Старцева, С. В. Социально-правовая защита детей / С. В. Старцева // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 5. — С. 154–159.
9. Статистические данные приобретенных квартир для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Ивановской области с 2022–2025 гг. // Прокуратура Ивановской области. Архив. — Дело № 02–32–2024.

Некоторые проблемы квалификации организации преступного сообщества

Коломоец Софья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации организации преступного сообщества в уголовном праве. Анализируются существующие нормативно-правовые акты, выявляются основные сложности и противоречия, возникающие при юридическом определении признаков организованной преступной группы. Особое внимание уделяется недостаткам действующих критериев, приводящих к размытости понятий и затрудняющим эффективное пресечение преступной деятельности.

Ключевые слова: квалификация, организация преступного сообщества, уголовное право.

Квалификация организации преступного сообщества занимает одно из центральных мест в современной криминологии и уголовном праве. Возрастающая сложность и разнообразие форм преступной деятельности

требуют четкого и однозначного правового определения понятий и критериев, позволяющих отличить организованное сообщество от случайных или спонтанных группировок. Неполнота и неоднородность существующего

нормативного регулирования осложняют эффективность судебной практики и правоохранительной деятельности, что в конечном итоге влияет на степень противодействия организованной преступности.

Организация преступного сообщества (преступной организации) — это структурированное объединение лиц, созданное для совершения систематических преступлений. В данной статье рассмотрению подлежат такие проблемы:

Сложности доказывания устойчивости структуры.

Для квалификации по статье 210 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) необходимо доказать устойчивость группы, её систематическую деятельность и наличие иерархии. Однако преступные сообщества часто действуют в условиях секретности, что затрудняет сбор доказательств.

Устойчивость — основной критерий отличия организованной группы от группы лиц по предварительному сговору — имеет оценочный характер, можно говорить о степени её сформированности и выраженности. Например, об устойчивости могут свидетельствовать длительность существования группы, стабильность состава, слаженность действий и техническая оснащённость.

В доктрине уголовного права единого подхода к пониманию и толкованию легальных признаков организованной группы не выработано. Многие учёные в качестве критерия устойчивости указывают «число запланированных и совершённых преступлений» — группу можно признать устойчивой только при условии совершения ею как минимум двух преступлений. В своей работе **А. В. Шеслер** рассматривает устойчивость как «стойкость преступных устремлений участников группы, твёрдое намерение постоянно или временно заниматься преступной деятельностью». [1]

Авторы Ю. Б. Мельникова и Т. Д. Устинова под устойчивостью в своих работах они понимают постоянную или временную преступную деятельность, рассчитанную на неоднократность совершения преступных действий, относительную непрерывность в совершении преступных деяний. [2]

Также при рассмотрении проблемы квалификации организации преступного сообщества можно выделить следующее: оценочный характер признаков организации преступного сообщества, что связано с необходимостью учитывать разнообразные обстоятельства дела и конкретные особенности группировки.

Многие признаки, такие как «устойчивость», «иерархия» или «высшее положение», носят оценочный характер, что предоставляет судам широкую дискрецию. Сложность оценочного характера признаков организованной преступной группы состоит в том, что законодатель не даёт точного определения понятия «организованная группа», а доктрина уголовного права не выработала единого подхода к их пониманию и толкованию. Это вызывает сложности в правоприменительной практике, так как суды трактуют признаки по-разному, добавляя те или иные признаки, которые, по их мнению, свидетельствуют об отсутствии организованной группы.

Легальное определение организованной группы в российском уголовном законе не дано. Оно вытекает из ч. 3 ст. 35 УК РФ: «Преступление признаётся совершённым организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». [3]

Судам нередко бывает трудно отличить организованную группу от предварительного сговора. Так, встречаются ситуации, когда группу признают организованной лишь по признакам устойчивости (длительность существования, стабильность состава) или, напротив, лишь по признакам высокой организации (наличие организатора, распределение ролей, техническая оснащённость). О квалификации преступления как совершённого организованной группой можно говорить только при одновременном наличии и тех, и других признаков.

В заключение следует отметить, что квалификация организации преступного сообщества — сложная и многогранная проблема, тесно связанная с оценочным характером её признаков. Недостаточная четкость и неоднозначность законодательных положений, а также разнообразие подходов в доктрине уголовного права создают трудности, как для правоохранительных органов, так и для судов. Отсутствие единого и однозначного определения понятия «организованная группа» и сложность доказательства устойчивости структуры существенно осложняют эффективное применение статьи 210 УК РФ.

Для повышения результативности борьбы с организованной преступностью необходима дальнейшая систематизация нормативных критериев, развитие единой правоприменительной практики и углублённое исследование оценочных признаков преступных сообществ, что позволит сделать квалификацию более прозрачной и обоснованной.

Литература:

1. Шеслер А. В., Смирнов И. О. К вопросу об уголовно-правовых признаках незаконного вооружённого формирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 2 (36). — С. 45–48.
2. Мельникова Ю. Б., Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за бандитизм: методическое пособие // Проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. — 1995.
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Теоретические основы уголовно-процессуальных отношений в стадии исполнения приговора: понятие, основания возникновения, содержание

Крупина Екатерина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лавнов Михаил Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор анализирует теоретические основы уголовно-процессуальных отношений в стадии исполнения приговора, определяя их понятие, основания возникновения и содержание.

Ключевые слова: правоотношения, исполнение, приговор, право.

Производству по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, посвящена глава 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]. «Ежегодно судами первой инстанции рассматривается примерно равное количество уголовных дел и дел, связанных с исполнением вступившего в силу приговора» [2].

Вид уголовно-процессуального производства, связанный с исполнением приговора, имеет важное значение для обеспечения цели назначения уголовного судопроизводства, выполнения задач Уголовного кодекса Российской Федерации [3] и достижения целей уголовно-исполнительного законодательства — применением уголовного наказания в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации [4].

В соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 20 декабря 2011 г. «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3, от 17 ноября 2015 г. № 51 и от 22 декабря 2015 г. № 59, от 29 ноября 2016 г. № 56, от 18 декабря 2018 г. № 43) (далее — Пленум) вопросы, связанные с исполнением приговора, регулируются не только соответствующими нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, но и иными нормативными правовыми актами (например, Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Законом Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности», приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утвер-

ждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы») [5].

Реализуясь в рамках специальной процедуры, регламентированной ст. 399 УПК РФ, рассматриваемое производство обоснованно позиционируется Верховным Судом РФ как одна из форм осуществления уголовного правосудия, находится в зоне его повышенного внимания, что внешне проявляется в разработке либо поддержке им соответствующих законопроектов и регулярном обновлении профильного по становления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Стадийность — неотъемлемая черта и важнейшая особенность процессуальных отраслей права. На каждой стадии есть свои особые цели, задачи. Уголовный процесс ее является исключением. Уголовно-процессуальный кодекс РФ действует много лет, но в теории уголовного процесса продолжают споры о системе стадий, ее элементах.

В научной литературе неоднократно говорилось о непрерывном характере стадии исполнения приговора. Уголовно-процессуальные правоотношения на данной стадии могут возобновляться при определенных обстоятельствах. Любое правоотношение может возникнуть лишь при наличии определенных предпосылок.

Предпосылки — это своего рода условия и обстоятельства, при наличии которых правоотношения возникают, изменяются, прекращаются. К ним относят нормы права, юридические факты и правосубъектность. При наличии всех трех предпосылок возможно возникновение и функционирование правоотношения. «Правоотношение — это результат реального воздействия нормы права на общественные отношения» [6, с. 39].

Правовые нормы, являющиеся основанием возникновения уголовно-процессуальных правоотношений на стадии исполнения приговора, содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, а также других федеральных законах. Однако трудно сказать об эффективности этих правовых норм.

Нормы права, регулирующие уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора, действуют как в отношении субъективных прав и юридических обязанностей, так и определяют правосубъектность.

Юридический факт является фактическим обоснованием нормативного и правосубъектного характера уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора.

Юридические факты определяют специфику правоотношения: субъектов, содержание и др. На основании определенного юридического факта приводится в действие уголовно-процессуальный механизм, что в свою очередь приводит к появлению новых юридических фактов. Юридические факты актуальны для уголовного судопроизводства, т. к. уголовно-процессуальная деятельность должна быть фактически обоснована.

Уголовно-процессуальные юридические факты должны быть максимально точно выражены в нормах уголовного закона в целях соблюдения принципа законности и обоснованности уголовно-процессуальной деятельности.

В стадии исполнения приговора наглядно проявляется сочетание уголовно-процессуальных юридических фактов с юридическими фактами других отраслей права.

Уголовно-процессуальным действиям придается значение юридических фактов.

Рассмотрим основания возникновения уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора с учетом их закрепления в законе. Основным юридическим фактом, регламентированным нормами уголовно-процессуального закона, является вступление в законную силу приговора суда.

В соответствии с ч 1 ст. 390 УПК РФ «приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока на его обжалование в апелляционном порядке», если он не был обжалован сторонами. Что позволяет сделать вывод о том, что вступление обвинительного приговора в силу относится к событиям, которые в свою очередь опосредуются процессуальными действиями.

«Вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации» в соответствии со ст. 392 УПК РФ.

Умышленное неисполнение приговора, определения или постановления суда является самостоятельным преступлением против правосудия, предусмотренным ст. 315 УК РФ. Вступление приговора в законную силу означает, что его отмена или изменение обычным способом невозможны, что характеризует его как окончательное судебное решение.

Кроме приговора невозможно принятие какого-либо иного решения по рассматриваемым вопросам, даже проведения нового производства в отношении этого лица по тому же самому обвинению, о чем указывается в п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

С момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и обращения его к исполнению возникает уголовная ответственность осужденного (как материальное правоотношение), а также его обязанность быть подвергнутым уголовному наказанию и претерпевать связанные с этим правовые ограничения, характерные для данного вида наказания.

У государства в лице учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, возникает право применить к осужденному ограничение прав, характерных для конкретного вида наказания, возникают отношения, регулируемые уже уголовно-исполнительным законодательством [7].

После вступления приговора в законную силу между участниками стадии исполнения приговора возникает уголовно-процессуальное правоотношение по поводу обращения приговора к исполнению.

Поводом к возникновению уголовно-процессуальных отношений в стадии исполнения приговора может являться обращение администрации исправительного учреждения в суд для рассмотрения вопроса о замене наказания, об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, о назначении, продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера, об освобождении от наказания или о смягчении наказания, о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, и др.

Несмотря на процессуальную форму такого обращения некоторые ученые считают, что оно регулируется нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Можно сделать вывод, что правовое регулирование поводов к возбуждению производства в стадии исполнения приговора начинается в уголовном праве, далее применяются нормы уголовно-исполнительного закона, а заканчивается в уголовно-процессуальном праве.

Важное значение в возникновении уголовно-процессуальных правоотношений имеют процессуальные акты, которые, как верно подчеркивал С. С. Алексеев, «в механизме правового регулирования в целом выполняют функцию индивидуального нормативного регулирования» [7, с. 65].

Еще одним юридически значимым актом, затрагивающим процессуальный статус участников правоотношений на стадии исполнения приговора, служит акт об амнистии.

«Актом об амнистии осужденный может быть освобожден от наказания либо наказание, которое ему назначено может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, а также он может быть освобожден от дополнительного вида наказания» [8, с. 66].

Современная наука определяет уголовно-процессуальные отношения, «как результат реализации нормы уголовно-процессуального права, форма развития уголовного процесса, двусторонняя правовая связь субъектов уголовно процессуального права, носящая властный характер, функционирующая в системе процессуальных

взаимодействий, обусловленная уголовно-правовым отношением и направленная на его установление» [9].

Профессор В. П. Божьев определял уголовно-процессуальные отношения как «идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства» [10, с. 87].

Относительно уголовно-процессуальных отношений при исполнении приговора профессор В. П. Божьев писал: «Исполнение приговора — сложная комплексная деятельность, которая складывается из деятельности суда, прокуратуры, исправительно-трудовых учреждений, иных административных органов, общественных организаций. В процессе исполнения приговора возникают различные вопросы, которые может разрешить лишь суд в рамках уголовно-процессуальных отношений и в порядке, установленном УПК. Возникновение уголовно-процессуальных отношений здесь также нередко обусловлено необходимостью решить уголовно-правовые вопросы...» [11, с. 129].

Уголовно-процессуальные отношения, возникающие в стадии исполнения приговоров и других судебных решений, привлекают внимание ученых и являются предметом их исследований. Автор одного из них — Ю. А. Тябина, пришла к выводу о том, «что уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора представляют собой общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права и возникающие для реализации уголовно-процессуальных, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных оснований между различными субъектами

в связи с обращением приговора к исполнению и производством по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с его исполнением» [11, с.10].

Выводы, которые можно сделать по результатам нашего исследования:

1. В силу межотраслевого регулирования стадии исполнения приговора соответствующие уголовно-процессуальные правоотношения формируются сначала в уголовном, затем продолжаются в уголовно-исполнительном, а заканчиваются уже в уголовно-процессуальном праве.

2. Вступление приговора в законную силу и возбуждение производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с его исполнением являются основаниями возникновения уголовно-процессуальных правоотношений в стадии исполнения приговора.

3. Определяющим условием возникновения уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в стадии исполнения приговора и процессе исполнения наказания является вступление в законную силу приговора суда.

4. Ходатайство или представление, предусмотренные ч. 1 ст. 399 УПК РФ, являются поводом к возбуждению производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

5. Наличие фактического состава, элементами которого являются обстоятельства, изменяющие характер реализации уголовно-правовых последствий, предусмотренных нормами уголовного, уголовно-процессуального, и уголовно-исполнительного законодательства являются основанием возбуждения производства по рассмотрению и разрешению вопросов на стадии исполнения приговора.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ; Рос. газета. 2001, 22 декабря.
2. По данным официальной судебной статистики в 2018 г. количество судебно-исполнительных производств (дел), оконченных судами первой инстанции, составило 850,3 тыс., в 2019 г. — 764,5 тыс., в 2020 г. — 662,6 тыс. Количество уголовных дел, оконченных судами первой инстанции: в 2018 г. — 888,1 тыс., в 2019 г. — 809,3 тыс., в 2020 г. — 751,5 тыс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ; Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Рос. газета. 2022. 11 янв.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: в ред. Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 432-ФЗ; Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198; 2021. № 52, ч. 1, ст. 8991.
5. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 43; Рос. газета. 2011. 30 дек.; 2018. 26 дек.
6. Полищук Н. И. Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006.
7. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 томах, Свердловск, 1972. Т.2.
8. Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
9. Прошляков А. Д., Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений / под ред. В. С. Балакшина. М., 2018. С. 202)
10. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.
11. Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

Актуальная оценка состояния экологической безопасности

Кудрявцев Алексей Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Неровная Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Челябинский государственный университет

В статье анализируются вклад и влияние советской прокуратуры в дело охраны природы государства, исследуется роль и значение указанного надзорного органа в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, начиная с момента принятия Закона о прокуратуре СССР 1979 года, а также в период становления демократического государства с 1991 г.

Изучается процесс трансформации полномочий главного надзорного органа РФ и приводятся примеры изучения зарубежного законодательства в этой области, а также практического опыта реализации правового инструмента и регулирования взаимодействия общества и природы.

Значительный интерес для России представляет законодательно установленная практика большинства развитых зарубежных стран по раздельному сбору ТБО, равно как и организация процесса переработки отобранных компонентов бытовых отходов.

В практической деятельности прокуратуры основаниями (поводами) для проведения прокурорских проверок исполнения экологического законодательства являются: непосредственные (письменные и устные) обращения граждан и должностных лиц к прокурорам; материалы уголовных, гражданских, арбитражных дел, административных производств, контролирурующих органов; публикации в средствах массовой информации; результаты анализа статистических данных о прокурорской и правоприменительной практике; другая информация, в которой содержатся достоверные данные об экологических правонарушениях.

В процессе исследования сформулирована мысль о разработке и принятии в Российской Федерации «Экологического кодекса», что позволит прокурорам РФ гораздо проще отстаивать свою позицию в суде.

Ключевые слова: прокуратура, законность, прокурорский надзор, экология, природоохранная прокуратура, перестройка, судебная реформа, история прокуратуры, место и роль территориальных и природоохранных прокуратур, охрана окружающей среды, обращение с отходами/ прокурорский надзор.

Охрана окружающей среды в XXI веке приобретает характер глобального вызова, требующего комплексного и системного подхода со стороны государства, бизнеса и гражданского общества. Научно-технический прогресс, несмотря на свои достижения, сопровождается усиленным антропогенным воздействием на природу, что проявляется в истощении природных ресурсов, деградации экосистем, ухудшении качества воздуха и воды, а также в росте экологически обусловленных заболеваний. Эти процессы создают угрозу не только для здоровья населения, но и для социально-экономической стабильности, усиливая конкуренцию за природные ресурсы и жизненное пространство.

Одним из ключевых механизмов противодействия экологическим кризисам в России является прокурорский надзор, охватывающий контроль за исполнением законодательства в сфере природопользования и экологической безопасности. Анализ развития этой функции позволяет проследить трансформацию экологической политики страны от периода «плана любой ценой» до современных подходов, основанных на правовой защите окружающей среды.

В советский период внимание к экологическим вопросам было минимальным, поскольку приоритет отдавался индустриализации и выполнению плановых показателей, независимо от последствий для природы. Лишь в 1950–1960-е годы в РСФСР начали создаваться первые специализированные органы: Главное управление лесного хозяйства и Государственный комитет по водному хозяй-

ству [1, с. 4]. Однако системного подхода к охране природы не существовало, что подтверждается как отсутствием экономических стимулов, так и технологической инерцией административно-командной системы.

Важным шагом стало принятие Конституции СССР 1977 года, в которой земля, недра, воды, растительный и животный мир были признаны достоянием народа [2, ст. 10]. Это заложило правовую основу для природоохранной деятельности, хотя на практике экологические нормы соблюдались слабо.

Переломным моментом стал Закон СССР «О прокуратуре» 1979 года, расширивший полномочия прокуроров

После распада СССР и в ходе судебной реформы 1991 года обсуждался вопрос о сокращении общего надзора, однако, как отмечал Ю. И. Скуратов, система прокуратуры доказала свою устойчивость и способность служить гарантом законности [4, с. 2]. В 2000-е годы роль прокуратуры в обеспечении экологической безопасности была усилена, что подтверждается практикой и научными работками в этой области.

В настоящее время деятельность прокуратуры в сфере экологии регулируется Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1. Согласно статье 21, прокурорский надзор направлен на единообразное и обязательное исполнение природоохранного законодательства всеми органами власти, юридическими и физическими лицами [5, ст. 21].

Прокуратура осуществляет:

- проверку законности;
- контроль за привлечением виновных к ответственности;
- защита права граждан на благоприятную окружающую среду, включая доступ к информации и возмещение вреда [6, ст. 42].

Это свидетельствует о переходе от формального надзора к активной защите экологических прав, что соответствует требованиям Конституции РФ (ст. 42), провозглашающей экологическую безопасность одним из основных прав человека.

Анализ законодательства стран Европы, США и Бразилии демонстрирует разнообразие подходов к охране окружающей среды, а также общие тенденции.

Экологическое право ЕС основано на принципах предотвращения вреда, «загрязнитель платит» и участия общественности. Ключевым документом стало принятие Директивы 2003/4/ЕС о доступе к экологической информации, которая заменила более раннюю директиву 90/313/ЕЭС [7]. Эта норма легла в основу Орхусской конвенции 1998 года, закрепившей три экологических права: доступ к информации, участие в принятии решений и доступ к правосудию [8, с. 56].

Особенностью национальных систем является разный подход к праву на экологический иск. Например, в Германии иск может подать только пострадавшее лицо, в то время как в Нидерландах и Ирландии это право имеют любые граждане [8, с. 3].

В США экологическое право сформировалось в 1960–1970-е годы. Конституция не содержит прямых норм об охране природы, однако суды толкуют её через призму общественных интересов, что стало основой для доктрины приоритета публичного права [9, с. 1]. Ключевыми актами являются:

- Закон о чистом воздухе (1970);
- Закон о чистой воде (1977);
- Закон о национальной экологической политике (1969).

Эти законы устанавливают жёсткие нормы и механизмы контроля, включая экологическую экспертизу и общественные слушания.

Конституция Бразилии 1988 года содержит отдельную главу «Об окружающей среде», в которой провозглашается право на экологически сбалансированную среду как основу качественной жизни [10, с. 3]. Это один из наиболее прогрессивных конституционных подходов в Латинской Америке.

Челябинская область является показательным регионом с высоким уровнем экологической напряжён-

ности. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2021–2023 годах количество выявленных нарушений в природоохранной сфере снизилось с 4206 до 3385, то есть на 19,4 % [11, с. 1]. Аналогичная тенденция наблюдается и по другим показателям:

- количество представлений сократилось с 1399 (2021) до 1295 (2023) — снижение на 7,4 %,
- количество уголовных дела снизилось с 53 до 26 — сокращение на 50,9 %.

Тем не менее системные проблемы остаются:

- несанкционированные свалки — массовое явление, особенно в сельской местности.
- нарушения при создании площадок для ТКО — выявляются почти во всех муниципалитетах.
- отсутствие зон санитарной охраны водозаборов — как показали проверки Магнитогорской природоохранной прокуратуры, многие органы местного самоуправления не обеспечивают защиту подземных вод [11, с. 1].

Несмотря на снижение количества нарушений, это может свидетельствовать не столько о повышении экологической дисциплины, сколько о снижении активности контролирующих органов. Поэтому требуется усиление профилактической работы, повышение квалификации прокуроров и внедрение современных технологий мониторинга.

В итоге отметим, что прокуратура остаётся ключевым институтом обеспечения экологической безопасности, однако её деятельность требует системной поддержки и цифровизации.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что эффективные экологические системы сочетают в себе строгий контроль с активным участием граждан и прозрачностью данных.

Для России актуален вопрос унификации экологического законодательства. Как отмечается в научных работах, принятие Экологического кодекса позволило бы систематизировать разрозненные нормы и повысить правовую определённость [12, с. 8].

Необходимо развивать институты общественного контроля, включая доступ к экологической информации и право на экологический иск.

Повышение экологической грамотности прокуроров и внедрение специализации по экологическим делам — важное направление совершенствования надзорной деятельности.

Таким образом, экологическая безопасность — это не только задача прокуратуры, но и общая ответственность всех субъектов общества. Только комплексный подход, сочетающий правовое регулирование, технологические инновации и активное участие граждан, может обеспечить устойчивое развитие и защиту окружающей среды.

Литература:

1. Евланов В. В. Формирование территориально-республиканской системы управления охраной природы (50–80-е гг. XX века) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. I. С. 78.

2. Конституция СССР (принята 7 октября 1977 г.). Ст. 10.
3. Бижанова К. И. Исторические аспекты становления прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды / Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23, № 1. С. 1–5.
4. Скуратов Ю. И. Роль прокуратуры в укреплении законности и правопорядка / Законность. 1996. № 12. С. 10.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 1992. № 6. Ст. 220.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Ст. 42.
7. Директива 2003/4/ЕС Европейского парламента и Совета от 28 января 2003 г. о доступе общественности к информации об окружающей среде / Официальный журнал ЕС. L 41 от 14.02.2003.
8. Калининченко П. А., Радиборинская Д. Н. Защита экологических прав в законодательстве Европейского сообщества / Экологическое право. 2003. № 2. С. 55–59.
9. Экологическое право США и стран Латинской Америки (Бразилии, Чили) / StudMe.org. URL: https://studme.org/57344/ekologiya/ekologicheskoe_pravo_latinoamerikanskih_stran_braziliya_chili (дата обращения: 05.04.2025).
10. Конституция Федеративной Республики Бразилия (принята 5 октября 1988 г.). Глава VI.
11. Потапова Л. В., Серова Е. Н. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства РФ (на примере Орловской, Оренбургской, Челябинской областей) / Юридический вестник. 2023. № 3. С. 1–7.
12. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране окружающей среды и природопользовании: методическое пособие. М.: Генеральная прокуратура РФ, 2021. С. 8.

Искусственный интеллект при проведении экспертизы: роль, особенности

Муртузов Девран Фаррухович, студент магистратуры

Научный руководитель: Хомяков Эдуард Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В условиях глобализации и стремительной цифровизации возрастает актуальность прогнозирования ключевых направлений научно-технологического и социально-экономического развития различных сфер деятельности. Особенно значимым становится предвидение изменений в области, где технологии непосредственно влияют на эффективность и точность принимаемых решений. Искусственный интеллект (ИИ), как один из передовых инструментов цифровой эпохи, открывает новые горизонты для судебно-экспертной деятельности. Его использование позволяет не только анализировать имеющуюся информацию, но и формировать опережающее знание, способствуя более точному прогнозированию и моделированию экспертных процессов.

Прогнозирование, наряду с описанием и объяснением явлений, является неотъемлемой функцией любой науки, в том числе и в рамках уголовно-правового цикла. В этой области прогностическая функция приобретает особую значимость в силу высокой общественной значимости и необходимости своевременного реагирования на новые вызовы. Развитие информационных технологий и повсеместное внедрение инноваций затрагивают как преступную деятельность, так и соответствующую ей правоохранительную и экспертную практику.

Современные реалии требуют от судебных экспертов не только высокой квалификации, но и способности адаптироваться к новым условиям, в которых цифровая информация становится основным объектом анализа. Это

формирует потребность в исследовании перспектив применения ИИ в экспертной деятельности: от появления новых задач и объектов до разработки инновационных методов и подходов. Важным направлением становится и формирование новых родов и видов экспертиз, ориентированных на работу с цифровыми следами, что особенно актуально в условиях технологически трансформирующегося общества и растущей неопределённости внешней среды.

В период формирования нормативно-правового регулирования создания и использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) важно выработать общепринятую терминологию.

В международной практике правового регулирования термином «система ИИ» (artificial intelligence system) принято обозначать программу для ЭВМ, компонентом которой является технология ИИ. В российском законодательстве термин «система ИИ» не употребляется. Наиболее близким понятием к западному термину является понятие «искусственный интеллект», впервые легально закрепленное в абз. «а» ст. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Национальная стратегия) [1]. Из содержания понятия «ИИ» следует, что это также многокомпонентная программа для ЭВМ, поэтому в настоящей работе мы

будем использовать термины «ИИ» и «система ИИ» как синонимы.

В российском законодательстве различаются понятия модели ИИ и технологии ИИ.

Согласно абз. «р» Национальной стратегии модель ИИ — это программа для электронных вычислительных машин (ее составная часть), предназначенная для выполнения интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуального труда человека или превосходящем их, использующая алгоритмы и наборы данных для выведения закономерностей, принятия решений или прогнозирования результатов. «Модель ИИ» — это легальный термин, введенный в российское законодательство Национальной стратегией и обозначающий техническое явление, известное также как «модель машинного обучения».

Согласно абз. «б» Национальной стратегии под технологиями ИИ понимается совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта, что с технической точки зрения означает совокупность моделей машинного обучения.

Конечные продукты, в которых использованы технологии ИИ, в законодательстве РФ именуется такими терминами, как «решения, созданные с применением технологий ИИ» [1], «продукты, которые созданы с использованием технологий ИИ» [1, 2, 3, 4, 5]. Подобные обозначения являются громоздкими, не отвечают предъявляемым к юридическим терминам требованиям [8], таким как краткость, системность, четкость, однозначность, отсутствие синонимов. Соответственно, любой продукт со встроенными технологиями ИИ целесообразно обозначать лаконичным термином «приложение ИИ», который мы будем использовать в данной работе.

Технологии ИИ применяются в составе систем ИИ, что определяет главное отличие систем ИИ от других программ для ЭВМ. Технологии ИИ имеют существенную специфику.

Во-первых, работе всех без исключения технологий ИИ присуще получение вероятностного результата: модели машинного обучения производят вычисления, результатом которых является прогнозное число заданной точности; на его основе люди принимают решения, а системы ИИ совершают действия. Вероятностный характер этого числа — имманентное свойство технологий ИИ; назовем данное техническое явление «имманентной ошибкой модели ИИ». С точки зрения классических оснований юридической ответственности вероятностный результат работы модели означает отсутствие причинно-следственной связи между вредом и действиями лица, обязанного осуществлять эффективный контроль за использованием систем и приложений ИИ, тогда, когда происходит выдача ошибочного результата в пределах заданной погрешности модели.

Во-вторых, архитектура модели на стадии рабочего применения имеет динамический характер и может изменяться в ходе обучения [6, с. 192], которое происходит как с участием (контролируемое обучение), так и без участия человека (неконтролируемое обучение). При контролируемом обучении эффективный контроль за работой модели осуществляет лицо, которое ее фактически использует, производя либо адаптацию модели ИИ к новым данным, либо ее модификацию [6, с. 193], что должно учитываться при распределении ответственности за неблагоприятные последствия использования «несамообучающейся» модели. Эффективный человеческий контроль за использованием «самообучающихся» моделей в автономных устройствах затруднен, что вызывает сложности с поиском причинителя вреда, ставшего результатом использования автономного устройства.

В-третьих, поскольку в ответ на получение прогнозного числа должно быть выполнено какое-либо действие, рабочее использование модели машинного обучения обычно происходит не изолированно (если только единственной целью модели не является получение прогнозного числа), а в составе программного комплекса (в том значении, которое ему придается в ГОСТ 19.101–77 «Виды программ и программных документов»), т. е. в составе системы ИИ, в которую в качестве компонентов может быть включено множество моделей (что в случае причинения вреда в результате сбоя затрудняет атрибутирование ошибки конкретному лицу).

В условиях стремительного технологического развития и цифровизации ключевых сфер общественной жизни искусственный интеллект (ИИ) постепенно становится неотъемлемым инструментом в арсенале судебно-экспертной практики. Применение ИИ способствует не только повышению эффективности экспертных исследований, но и расширению возможностей их применения, что особенно актуально в контексте усложнения преступной деятельности, увеличения объемов цифровой информации и необходимости оперативного реагирования.

Согласно сложившемуся в науке подходу к системе частных экспертных теорий экспертное прогнозирование включено в число теорий, входящих в состав общей теории судебной экспертологии наряду с идентификацией, диагностикой и профилактикой. Как отмечается в литературе, «положения этих частных теорий в равной степени распространяются как на процесс экспертного исследования в целом, так и на экспертные исследования отдельных родов экспертиз» [7]. Вместе с тем судебно-экспертное прогнозирование остается одним из наименее теоретически разработанных и практически реализуемых направлений указанной системы, оставляя широкое пространство для исследования.

Стоит отметить, что одним из наиболее передовых направлений, прогнозирование в отношении которого представляется первостепенным, является формирование и развитие новых родов и видов судебных экспертиз в свете трансформаций их объектов, методологии

и методик под влиянием процесса цифровизации, а также в свете перспектив внедрения в экспертную практику новейших научно-технических достижений, в частности технологий машинного обучения и искусственного интеллекта.

Кроме того, одной из наиболее очевидных и динамично развивающихся областей использования ИИ является криминалистическая экспертиза. Применение интеллектуальных систем в распознавании и анализе биометрических данных — таких как отпечатки пальцев, изображения лиц, голосовые характеристики — позволяет существенно повысить точность идентификации лиц и предметов. Алгоритмы машинного обучения эффективно обучаются на больших выборках, что дает возможность обнаруживать закономерности и аномалии, ускользающие от внимания человека-эксперта. Особенно это актуально в рамках анализа видеозаписей и фотографий с мест происшествий, где ИИ способен автоматически распознавать объекты, идентифицировать действия, фиксировать потенциально значимые следы и детали.

В сфере финансово-экономических и бухгалтерских экспертиз ИИ применяется для выявления признаков фиктивного документооборота, схем ухода от налогообложения, а также других видов экономических преступлений. Интеллектуальные системы позволяют анализировать большие объемы финансовых и учетных данных, выявляя нетипичные транзакции, подозрительные связи между субъектами, а также автоматизировать процесс построения графов связей. Таким образом, эксперт получает инструмент не только для оценки достоверности документов и проводок, но и для выявления возможных преступных намерений, что придает дополнительную доказательственную ценность результатам экспертизы.

Важным направлением становится и использование ИИ в рамках компьютерно-технической экспертизы, где цифровые следы представляют собой основной объект исследования. Современные алгоритмы используются при восстановлении удаленной информации, анализе логов, выявлении следов несанкционированного доступа и цифрового вмешательства. Сюда же можно отнести и борьбу с киберпреступностью, где экспертная практика тесно сопрягается с технологиями автоматического поиска и анализа вредоносных программ, цифровых улик в зашифрованных или распределенных средах.

Особое значение приобретает также применение ИИ в лингвистических экспертизах. Автоматизированные алгоритмы анализа текста позволяют экспертам выявлять признаки речевой агрессии, угроз, дискриминации, признаков экстремистского или террористического характера. Кроме того, ИИ-системы способствуют идентификации автора текста по стилистическим признакам, анализу смысловой нагрузки, грамматических и лексических конструкций. Это особенно важно в условиях распространения анонимного контента в сети Интернет

и увеличения объема дел, связанных с информационными преступлениями.

Внедрение искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность оказывает трансформирующее влияние не только на методологические и технические аспекты производства экспертиз, но и на содержание, структуру и функциональное наполнение профессиональной деятельности судебного эксперта. В условиях цифровизации и широкого применения интеллектуальных систем эксперт перестает быть исключительно интерпретатором материальных следов преступной деятельности, переходя к более сложной и многопрофильной роли — координатора, аналитика и верификатора технологических решений.

Одним из ключевых аспектов трансформации экспертной функции становится смещение акцента с непосредственного осуществления ручного анализа к контролю, интерпретации и обоснованию результатов, полученных с использованием интеллектуальных алгоритмов. Эксперт выступает не просто пользователем автоматизированных программ, а субъектом, на котором лежит ответственность за корректную настройку параметров ИИ-систем, верификацию полученных данных, а также юридически значимую интерпретацию результатов анализа. Таким образом, сохраняется базовый принцип процессуального права — личная ответственность эксперта за дачу заключения, даже в условиях частичного автоматизированного выполнения отдельных этапов исследования.

Дополнительно следует отметить усложнение требований к профессиональной компетентности эксперта. В современных условиях востребованность междисциплинарных знаний становится особенно высокой: эксперт должен обладать не только глубокими познаниями в своей предметной области, но и ориентироваться в основах алгоритмизации, машинного обучения, цифровой безопасности, а также понимать особенности функционирования программных решений, применяемых в экспертной практике. Возникает объективная необходимость в формировании нового типа специалистов — судебных экспертов цифровой эпохи, способных эффективно взаимодействовать с высокотехнологичными инструментами и критически оценивать их выводы.

Не менее значимым направлением становится формирование этических и правовых основ взаимодействия эксперта с искусственным интеллектом. С одной стороны, расширение функциональных возможностей ИИ потенциально снижает субъективность экспертных заключений. С другой — сохраняется риск недостоверного использования программных средств в случае их неправильной настройки, неадекватной обучающей выборки или отсутствия понимания алгоритмических ограничений. Таким образом, эксперт обязан не только учитывать технологические характеристики применяемых средств, но и обеспечивать соблюдение стандартов научной обоснованности, воспроизводимости и правовой допустимости.

Наконец, в условиях цифровизации возрастает роль эксперта как участника процесса формирования нормативной и методической базы для внедрения ИИ в экспертную практику. Именно экспертное сообщество, обладающее практическим опытом и методологической подготовкой, способно обеспечить выработку сбалансированных подходов к определению критериев допустимости, достоверности и значимости результатов, полученных с использованием интеллектуальных систем.

Развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу судебной экспертизы формирует качественно новый этап в эволюции экспертной деятельности. ИИ уже сегодня демонстрирует значительный потенциал в автоматизации анализа, повышении точности и оперативности экспертных исследований, особенно в условиях увеличивающегося объема цифровых данных и усложнения механизмов совершения преступлений. Использование интеллектуальных систем охватывает широкий спектр задач — от биометрической и лингвистической

идентификации до анализа финансово-экономических и цифровых следов.

Вместе с тем, активное применение ИИ требует переосмысления роли эксперта, предъявляя к нему повышенные требования не только в предметной области, но и в сфере информационных технологий, анализа алгоритмических моделей и правовой оценки их выводов. Особое внимание должно уделяться вопросам правового регулирования, допустимости результатов, полученных с применением ИИ, а также распределения ответственности при возникновении ошибок. Возникает объективная необходимость в создании научно обоснованных и юридически закреплённых подходов к применению ИИ в экспертной практике, а также в разработке единой терминологии, соответствующей современным требованиям.

Таким образом, искусственный интеллект выступает не просто вспомогательным инструментом, а фактором, способным трансформировать методологические, организационные и правовые основы судебной экспертизы, обеспечивая её соответствие вызовам цифровой эпохи.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. N 41. ст. 5700.
2. Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (утв. Президентом РФ 16 декабря 2021 г. N Пр-2371);
1. Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. N 140 (ред. от 30 ноября 2022 г.) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2025).
2. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; абз. «в» п. 19 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2025).
3. Приказ Минэкономразвития России от 29 июня 2021 г. N 391 «Об утверждении Порядка определения федеральным государственным бюджетным учреждением «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2025).
4. Мельникова Е. Н. Правовая квалификация модели машинного обучения на основе технического анализа этого процесса // Закон. 2023. N 6. С. 192.
5. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): Учебник / Под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2023. С. 65.
6. Толстик В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. N 10. С. 302–307.

Эволюция референдумов в Советском Союзе и Российской Федерации

Нестерук Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье исследуется явление референдума в СССР и Российской Федерации. Рассматривается проведение референдумов разного уровня — как федерального, так и регионального (субъекты федерации) и местного (муниципального).

Ключевые слова: референдум, всенародное обсуждение, конституция, президент, СССР, государство

Evolution of referendums in the Soviet Union and the Russian Federation

Nesteruk Yekaterina Vladimirovna, master's student
Vladivostok State University

The article examines the phenomenon of referendum in the USSR and the Russian Federation. It examines the conduct of referendums at various levels — both federal and regional (subjects of the federation) and local (municipal).

Keywords: referendum, national discussion, constitution, president, USSR, state

В ходе послания Федеральному собранию президент России Владимир Путин выдвинул предложения о внесении ряда существенных изменений в Конституцию Российской Федерации, предусматривающих проведение по ним всенародного голосования. Ранее подобные вопросы к гражданам власти ставили на референдумах.

В СССР с 1991 по 1993 годы состоялось четыре референдума.

17 марта 1991 года прошел всероссийский референдум о введении поста президента РФ. В нем приняло участие 75,09 % россиян, из них 69,85 % поддержало это предложение. Через три месяца, 12 июня 1991 года, первым президентом РФ был избран Борис Ельцин.

25 апреля 1993 года, в разгар противостояния президента и Верховного совета РФ, прошел плебисцит о доверии этим органам власти, на который были вынесены четыре вопроса. Бюллетени получило 64,51 % избирателей. На вопрос «Доверяете ли вы президенту РФ Борису Ельцину?» ответило «да» 58,66 % голосовавших, на вопрос «Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством РФ с 1992 года?» — 53,04 %. За досрочные выборы президента высказалось 49,49 %, за досрочные выборы народных депутатов — 67,16 %. В итоге никаких внеочередных выборов не проводилось, а съезд народных депутатов РФ был распущен 21 сентября 1993 года указом президента.

12 декабря 1993 года, одновременно с выборами в Госдуму первого созыва, прошло «всенародное голосование» по проекту Конституции РФ. Назвать этот плебисцит всенародным голосованием потребовалось, чтобы обойти требование закона «О референдуме РСФСР» об изменении Конституции лишь большинством от общего числа избирателей. В голосовании участвовало 54,79 % избирателей, из них 58,42 % поддержало новый Основной закон, который действует по настоящее время.

В период 1994–2004 годов, после принятия Конституции, был разработан и в 1995 году принят Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». В данном законе содержалось множество ограничений как в отношении вопросов, подлежащих выносу на референдум, так и в процедуре их инициирования.

В течение десяти лет его действия не состоялся ни один общероссийский референдум, хотя в 1999–2000 годы было три попытки провести референдум: первую из них инициировал депутат Государственной думы, предлагая объединение Российской Федерации и Беларуси в демо-

кратическое федеративное правовое государство. Вторая попытка принадлежала Союзу правых сил, который стремился вынести на референдум сразу четыре вопроса из различных областей. Третья попытка касалась трех вопросов, связанных с экологическими проблемами.

Больше федеральных референдумов в России не было. На региональном уровне проходили голосования о переносе столицы (в Республике Коми), о местном времени (в Волгоградской области), о поправках в региональную конституцию (в Чечне и Туве), об объединении регионов (в Красноярском крае, Пермской области, Забайкальском крае и других субъектах).

В 2018 году сразу несколько инициативных групп, включая КППРФ, пытались инициировать всероссийский референдум о повышении пенсионного возраста. Но Центризбирком отказал им из-за нарушений с документами.

В 2020 году президент выдвинул инициативу о проведении общероссийского голосования по поправкам к Конституции. Хотя Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» ставил определенные преграды для организации референдума по изменениям в Конституции, не возникало трудностей с внесением необходимых коррективов: любые изменения в ФКЗ, предложенные президентом, могли быть оперативно утверждены. Это позволило властям быстро адаптироваться к новым реалиям и обеспечивать необходимые процедуры в сжатые сроки.

Среди предложенных поправок были не только изменения, касающиеся сроков полномочий президента, но и вопросы, затрагивающие социальные гарантии, защиту традиционных семейных ценностей и укрепление роли государства в жизни общества. Такие изменения вызвали широкий общественный резонанс и стали предметом активных дискуссий как среди политиков, так и среди граждан.

После завершения голосования результаты показали значительное одобрение поправок, что позволило власти считать инициативу успешной и укрепить свою легитимность. Однако этот процесс также вызвал критику со стороны оппозиции и правозащитников, которые указывали на недостатки в организации голосования и отсутствие реального выбора для граждан.

Таким образом, 2020 год стал поворотным моментом в развитии российской политической системы, открыв новые горизонты для обсуждения вопросов власти и гражданского участия в жизни страны.

Литература:

1. Общероссийское общественное движение в защиту прав избирателей «Голос» URL: <https://web.archive.org/web/20220401170513/http://politika.su/vybory/ref.html> (дата обращения: 04.09.25)
2. Толстик, В. А. Референдум в России: основы, опыт, критика / В. А. Толстик, Н. А. Трусов. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referendum-v-rossii-osnovy-opyt-kritika> (дата обращения: 04.09.25)
3. Жанузакова Л. Т. К вопросу о совершенствовании законодательства о референдуме // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. №1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-zakonodatelstva-o-referendume> (дата обращения: 04.09.25)
4. История референдумов в СССР и России. — Текст: электронный // kommersant.ru: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220658> (дата обращения: 04.09.2025).

Всенародное обсуждение законопроектов в субъектах Российской Федерации и на федеральном уровне в 2010–2024 гг.

Нестерук Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье исследуется одна из форм непосредственной демократии — институт всенародного обсуждения. Показано, что всенародные обсуждения, как важная консультативная форма непосредственной демократии, дают возможность осмыслить обсуждаемый закон с точки зрения его социальной пригодности, полезности, определить его способность решать реальные социальные проблемы.

Ключевые слова: формы демократии, всенародное обсуждение, народовластие, конституция, государство

National discussion of legal projects in the subject of Russian Federation and on federal level in 2010–2024

Nesteruk Yekaterina Vladimirovna, master's student
Vladivostok State University

This article examines one of the forms of direct democracy — Institute of national discussion. It is shown that a national discussion, as an important consultative form of direct democracy, provide an opportunity to understand the law discussed in terms of its social suitability, usefulness, determine its ability to solve real social problems.

Keywords: forms of democracy, public discussion, democracy, constitution, government

Целью исследования института общественных обсуждений в контексте данной статьи выступает анализ российского законодательства, основ конституционного строя в контексте изучения института всенародного обсуждения законопроектов, а также влияние всенародного обсуждения законопроектов на муниципальную политику и реализуемые муниципальные проекты в субъектах Российской Федерации.

Всенародное обсуждение законопроектов является одной из форм непрямой демократии в Российской Федерации с 1993 года. Непрямая (непосредственная) демократия — форма народовластия, при которой власть осуществляется через непосредственное выявление воли народа или определенных социальных групп (референдум, выборы). При помощи этого инструмента граждане имеют возможность влиять на содержание при-

нимаемого закона путём обсуждения проектов решений государственных органов или органом местного самоуправления. Институт всенародного голосования позволяет российскому государству узнавать и учитывать интересы граждан в субъектах РФ, общественных организаций, трудовых коллективов, и их отношение к проблематике в области принимаемого законопроекта, а гражданам — лоббировать свои интересы и разбираться в структуре законопроекта, проводя народную экспертизу законопроекта. Предполагаемая цель этого процесса — это поддержание демократизма государственной системы, закреплению в законе согласованных интересов, недопущение продвижения в законодательство корпоративных интересов, обеспечить возможность опробовать обсуждаемый закон на социальную пригодность, способность решить ту или иную социальную проблему.

Всенародное обсуждение является добровольным, может осуществляться в письменной или устной форме. Письменная форма подразумевает использование почты и личной передачи компетентному лицу. В устной форме гражданин может обращаться в СМИ, организовывать собрания, митинги, а в дальнейшем передать решения и предложения в компетентные органы. Эти мероприятия преследуют одну цель — свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики.

Практика рассматриваемого в данной главе инструмента берет своё начало в законодательстве СССР в 1930–1980 годы. На сегодняшний день практика обсуждения законопроектов позволяет осуществить пункт 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации.

Стоит отметить, что разница между всенародным голосованием и всенародным обсуждением заключается в том, первое — это референдум, результатом которого является вынесение решения по обсуждаемому вопросу, а второе — добровольная процедура совещательного характера, тем не менее, результаты которой учитываются при принятии закона.

Всенародное обсуждение занимает своё место в процессе принятия закона — это происходит на моменте перехода проекта в рассмотрение Государственной Думой в первом чтении. Тем не менее, прямо в Конституции об этом ничего не сказано. Как таковой формы, такого конституционного механизма — всенародное обсуждение нет. С другой стороны, прямо о всенародном обсуждении Конституция не говорит, но, согласно главному закону страны, источником власти является народ. Поэтому, в общем-то, такая форма уместна. Поэтому ее и применяют.

Несмотря на положительные стороны всенародного обсуждения, его не всегда применяют, оправдывая это решение финансовыми затратами, которые потребует данное мероприятие. Кроме того, обсуждаемые предложения власть может проигнорировать. Таким образом, можно сделать вывод, что всенародное обсуждение хоть и предусматривается, но недостаточно распространено, а его результаты не в полной мере принимаются во внимание законодательными органами власти. Практика показывает, что эффективнее и распространеннее референдумы, потому что на них ставится четкий вопрос, и формируется четкий ответ, и поэтому оно регламентировано Конституцией Российской Федерации. Но несмотря на этот факт, Президентом Российской Федерации признается важность данного инструмента на примере его применения при разработке, например, Федерального Закона «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, предложений по которому поступило около двадцати тысяч. Правда, в подтверждение не первостепенной значимости результатов народного обсуждения можно уточнить тот факт, что не смотря на большую часть негативных мнений этот законопроект был принят практически в неизменном

виде. Но теперь по решению Президента важнейшие проекты законов могут выноситься на всенародное обсуждение. В президентском указе отсутствуют четкие критерии случаев проведения общественного обсуждения, необходимость этого определяется в каждой конкретной ситуации. Суть этого Указа состоит в том, что:

— проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации (далее — законопроекты), по решению Президента Российской Федерации могут быть вынесены на общественное обсуждение;

— в соответствии с поручением Президента Российской Федерации федеральным государственным органам, разработавшим законопроект (принимавшим участие в его разработке), вынесенный на общественное обсуждение:

— размещать в сети Интернет на своих официальных или специально созданных сайтах тексты законопроекта, пояснительной записки и финансово-экономического обоснования к нему, а также информацию о порядке направления гражданами на соответствующий сайт замечаний и предложений по законопроекту с указанием времени, в течение которого будет проводиться его общественное обсуждение;

— обеспечивать гражданам, принимающим участие в общественном обсуждении законопроекта, возможность ознакомиться с поступившими на соответствующий сайт замечаниями и предложениями по законопроекту.

— по истечении 90 дней со дня завершения общественного обсуждения законопроекта представлять Президенту Российской Федерации доклад о результатах его обсуждения.

Проблематика всенародного обсуждения законопроектов состоит в следующем:

— неопределённость области законов, проекты которых нужно выносить на обсуждение;

— зачастую система публичного обсуждения — всего лишь опрос общественного мнения;

— никто не контролирует вовлечённость государственных органов в общественное мнение;

— обсуждению подлежит текст законопроекта, а не его концепция ли необходимость его принятия;

— проекты законов узкоспециализированной тематики могут вообще не выноситься на обсуждение, хотя такие законы могут оказывать сильное влияние на соответствующую сферу. В таком случае было бы справедливо предоставлять возможность высказаться сообществу, связанному с данной сферой, например, посредством профессиональной деятельности;

— на основании Указа, после поручения Президента Российской Федерации федеральный государственный орган должен разместить текст законопроекта, пояснительной записки и финансово-экономического обоснования в сети Интернет на своем официальном сайте или на специально созданных сайтах. Таким образом, гра-

ждане могут оказаться в неведении, где искать проект, представленный для обсуждения.

Учет выраженного в результате общественного обсуждения мнения является самой, на наш взгляд, сложной причиной неактивности населения. Вменение обязанности для органа публичной власти об императивном учете мнения противоречило бы Конституции РФ, признающей высшими формами, а значит, императивными, только референдум и свободные выборы. С другой стороны, ситуация, при которой орган не прислушался ко мнению населения, автоматически снижает интерес населения к подобной форме демократии. Таким образом, сущностной основой обсуждений, как верно было отмечено В. А. Сивицким, должна стать идея государственного рационализма, чтобы ни одна полезная для развития страны идея не была упущена. Государство же должно организовать учет и систематизацию поступающих предложений и добиться того, чтобы принимаемый нормативный правовой акт соответствовал настроениям и потребностям общества, для которого он создавался.

Обращает на себя внимание диспозитивность указной нормы: во-первых, законопроекты не «должны быть», а «могут быть» вынесены на общественное обсуждение (даже «затрагивающие основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации»), во-вторых, единственным лицом, инициирующим процедуру общественного обсуждения, является, согласно Указу, Президент Российской Федерации. Таким образом, явно прослеживается субъективный фактор в решении вопроса об общественном обсуждении того или иного законопроекта.

Решением вышеперечисленных проблем может быть обеспечение аналитической обработки поступивших предложений, а также:

— трансляция замечаний не только от экспертного сообщества, но и от граждан Российской Федерации по различным информационным каналам;

— обеспечение информационного сопровождения процесса общественного обсуждения проектов федеральных законов;

— обеспечение информационного сопровождения результата публичного обсуждения законопроектов;

— создание единого информационного пространства доступа общественности к обсуждаемым законопроектам и поступающим предложениям, замечаниям, комментариям.

Безусловно, на сегодняшний день реализация полномочий института всенародного обсуждения законопроектов невозможна без использования инновационных интерактивных технологий, однако процесс учета мнений

населения, процедура обобщения замечаний и предложений, доведения итогов обсуждения до общественности нуждается в законодательном закреплении.

С другой стороны, отсутствует масштабное комплексное исследование по теме. Российской особенностью является тот факт, что развитие законодательства и практики общественных обсуждений законопроектов приходится именно на региональный уровень власти. Федеральное же законодательство по данному вопросу имеет опосредованный характер. Даже статья 24 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ также кардинально не изменила ситуацию, закрепив лишь теоретическое понятие общественных обсуждений. Значимость общественных обсуждений законопроекта содержит огромный потенциал, гарантию принятия эффективного и выверенного законодательства, однако расширение практики осуществления обсуждений, вовлечения населения в этот процесс, формирование удобного механизма обсуждения, а также убеждения в «реальном» влиянии общества на принятие решений при такой форме демократии — задачи, которые предстоит решить в ближайшей перспективе.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать: актуальность предложенной темы не вызывает сомнений. Последнее десятилетие характеризуется развитием российского регионального законодательства об общественных обсуждениях. К настоящему моменту субъектами Российской Федерации накоплена достаточная нормативная база, регулирующая порядок осуществления общественных обсуждений проектов нормативных актов, в том числе и законопроектов регионов, более того, начинает складываться практика применения института общественных обсуждений. При этом различные подходы, использованные законодателями регионов при принятии нормативных актов, приводят к разнообразным результатам применения института обсуждений, что в свою очередь, влечет необходимость научного обобщения и осмысления. Более того, степень изученности темы не представляется достаточной. С одной стороны, имеются исследования, рассматривающие общественное обсуждение нормативных актов как факультативную составляющую конституционных процессов — законодательного, правотворческого, либо как одну из форм непосредственной демократии, или более конкретно, как форму общественного контроля.

Развитие общественных отношений объективно диктует необходимость принятия федерального закона о всенародном (публичном) обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов в России и ее субъектах.

Литература:

1. Закон Союза социалистических республик от 30 июня 1987 г. № 7286-XI «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни». — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/71792474/> (дата обращения: 04.09.2025).

2. Федеральный Закон «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 15.03.2024)
3. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. От 04.08.2023) Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 15.03.2024)
4. Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/12182724/> (дата обращения 15.03.2024)
5. Сивицкий В. А. Общественное обсуждение законопроектов: демократия или государственный рационализм — Текст: электронный // Юридическая техника. 2014. № 8. — С.27–32.
6. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ (последняя редакция) Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185475/ (дата обращения 15.03.2024)

Роль суда в защите экологических прав граждан

Николаева Марина Валерьевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

Данная работа посвящена анализу роли судов в защите экологических прав граждан в России. В условиях ухудшающейся экологической ситуации и нарушений экологических стандартов, защита прав граждан на благоприятную окружающую среду через судебные органы становится неотъемлемой частью правовой системы. В работе рассматриваются ключевые законодательные акты, регулирующие защиту экологических прав, а также судебная практика в России в области экологии. Особое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении экологических дел, таким как недостаточная квалификация судей, сложности установления причинно-следственных связей и недостаток экозащиты. В работе анализируются конкретные примеры судебных решений, подтверждающие успешность судебной защиты экологических прав граждан, а также предлагаются меры по совершенствованию этой системы, такие как повышение квалификации судей, улучшение экологического мониторинга и развитие специализированных судов. В заключении сделан вывод о том, что, несмотря на существующие проблемы, судебная защита экологических прав граждан в России развивается и имеет позитивную динамику.

Ключевые слова: экологические права, судебная защита, охрана окружающей среды, судебная практика, экологическое законодательство, экологическая экспертиза, судебные разбирательства, права граждан, Россия, экологические нарушения, экологическая безопасность, экологические суды, правовая защита.

The role of the court in protecting the environmental rights of citizens

This work is dedicated to analyzing the role of courts in protecting the environmental rights of citizens in Russia. In the context of the deteriorating environmental situation and violations of ecological standards, the protection of citizens' rights to a favorable environment through judicial bodies has become an integral part of the legal system. The paper examines the key legislative acts regulating the protection of environmental rights, as well as judicial practice in Russia in the field of ecology. Special attention is given to the challenges faced by courts in handling environmental cases, such as the insufficient qualifications of judges, difficulties in establishing causal relationships, and lack of environmental protection. The paper analyzes specific examples of judicial decisions confirming the success of judicial protection of citizens' environmental rights, and suggests measures to improve this system, such as raising the qualifications of judges, enhancing environmental monitoring, and developing specialized courts. In conclusion, it is stated that despite existing problems, judicial protection of citizens' environmental rights in Russia is evolving and showing positive dynamics.

Keywords: environmental rights, judicial protection, environmental protection, judicial practice, environmental legislation, environmental expertise, legal proceedings, citizens' rights, Russia, environmental violations, environmental safety, environmental courts, legal protection.

Экологические права граждан в России — это важная часть прав человека, направленная на обеспечение безопасности жизни и здоровья человека через защиту

окружающей среды. Законодательные акты Российской Федерации предоставляют гражданам право на благоприятную окружающую среду, право на информацию о со-

стоянии экологии, а также на восстановление нарушенных прав через судебные органы. Суды играют ключевую роль в защите этих прав, обеспечивая справедливость и соблюдение законных норм, а также защиту интересов граждан и организаций, пострадавших от экологических нарушений.

Тем не менее, несмотря на нормативно-правовую базу и наличие института судебной защиты, реальность показывает, что нарушения экологических прав граждан остаются довольно частым явлением. Проблемы, связанные с плохим исполнением экологических норм, загрязнением окружающей среды, а также с трудностью восстановления нарушенных прав, ставят перед судом задачи, требующие высокого уровня квалификации и особого подхода. [2]

Защита экологических прав граждан в России регулируется несколькими важными федеральными законами, основой которых является Конституция Российской Федерации. Статья 42 Конституции гарантирует каждому гражданину право на благоприятную окружающую среду и обязательность государственной информации о ее состоянии. Это основополагающий принцип, на который опираются все нормативные акты и правоприменительная практика в области экологии. [1]

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (№ 7-ФЗ от 10.01.2002) представляет собой основополагающий акт, который регулирует охрану окружающей среды в стране, включая экологическую безопасность, взаимодействие с природными ресурсами, регулирование воздействия на окружающую среду. Этот закон определяет принципы государственной политики в области экологии, способы защиты окружающей среды, а также нормы для осуществления экологического контроля и надзора. [3]

Кроме того, важным законодательным актом является Федеральный закон № 39-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Этот закон регулирует защиту здоровья граждан, включая нормы по охране водных и воздушных ресурсов. Важной частью законодательно-нормативной базы являются также Федеральные законы о праве граждан на доступ к информации (№ 149-ФЗ от 27.07.2006), о санитарной охране территории и о праве на судебную защиту прав потребителей, связанных с экологической безопасностью.

Одним из наиболее важных документов, регулирующих судебное разбирательство по экологическим вопросам, является Федеральный закон № 308-ФЗ от 28.07.2012 «О судебной защите прав и законных интересов граждан и организаций в области экологической безопасности». Этот закон создает правовую основу для подачи исков в суд по экологическим правам, включая случаи загрязнения окружающей среды, и устанавливает порядок проведения экологических экспертиз. [4]

Судебная практика в России относительно защиты экологических прав граждан все еще находится на стадии развития. Экологические дела, как правило, требуют применения специальной экспертизы и научных знаний в области экологии. Поэтому судебные органы сталкиваются

с рядом проблем, включая недостаточную квалификацию судей в экологических вопросах и необходимость привлечения высококвалифицированных экспертов для проведения исследований. [5, с. 67]

В 2024 году судебная практика в России в сфере защиты экологических прав граждан значительно активизировалась. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в результате судебных разбирательств было взыскано более 400 млрд рублей в качестве компенсации ущерба, причиненного окружающей среде. Эта сумма эквивалентна примерно 4 млрд долларов США и направлена на проведение восстановительных мероприятий. Росприроднадзор также сыграл важную роль в судебных процессах, подав 1 090 исков на общую сумму 54 млрд рублей, из которых суды удовлетворили требования на 12,7 млрд рублей. При этом ведомство выиграло 865 судебных процессов, проиграв 127 дел. [6, с. 105]

Одним из значимых направлений судебной практики стала борьба с несанкционированными свалками и загрязнением окружающей среды промышленными предприятиями. Например, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области фиксируется рост числа экологических нарушений. В 2024 году было зафиксировано 15 367 таких случаев, что на 28 % больше, чем в 2023 году, когда их число составляло 11 967. Это свидетельствует не только о росте нарушений, но и о более активной работе надзорных органов.

Одним из примеров судебного разбирательства стало дело ООО «Легион», которое занималось разработкой гравийных и песчаных карьеров во Всеволожском районе Ленинградской области. Компанию оштрафовали на 200 тыс. рублей за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды, но позже, в августе 2024 года, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области взыскал с «Легиона» уже 1,37 млрд рублей за создание несанкционированной свалки на месте бывшего карьера.

Еще одно громкое дело связано с компанией «Акварин», которая управляла нежилой недвижимостью. Суд признал компанию виновной в создании незаконной свалки отходов IV–V классов опасности на территории Виллозского городского поселения Ленинградской области и взыскал с нее 1,27 млрд рублей в пользу муниципального образования «Ломоносовский район».

В Башкирии в сентябре 2024 года было направлено в суд уголовное дело против учредителя и троих бывших руководителей ООО «Графское». Они обвинялись в нарушении правил охраны окружающей среды при добыче полезных ископаемых, что привело к повреждению плодородного слоя почвы на площади более 40 га. Сумма причиненного ущерба превысила 68 млрд рублей.

Кроме крупных дел, связанных с промышленными предприятиями, в 2024 году активно рассматривались иски граждан. Так, в Краснодаре жители подали иск против строительной компании, которая загрязнила местный водоем отходами строительных материалов. Суд признал компанию виновной, обязав ее компенсировать

нанесенный экосистемам ущерб и провести очистку водоема. [7, с. 34]

Анализ судебной практики показывает, что несмотря на рост числа экологических разбирательств, судебная система сталкивается с рядом сложностей. Одной из главных проблем остается недостаточная квалификация судей в области экологии, что требует привлечения независимых экспертов и проведения специализированных исследований. Кроме того, длительность рассмотрения дел варьируется от 3 до 12 месяцев в зависимости от их сложности. Судебные органы продолжают адаптироваться к новым вызовам, и каждое успешное разбирательство становится важным шагом в развитии судебной защиты экологических прав граждан. [8, с. 133]

Несмотря на наличие федеральных законов и развития судебной практики, существует несколько ключевых проблем, с которыми сталкиваются суды в процессе защиты экологических прав граждан. Одна из самых серьезных — это недостаточная квалификация судей в области экологии и ограниченность экологической экспертизы.

В 2024 году в ходе опроса среди судей экологических судов только 35 % респондентов заявили, что обладают достаточными знаниями в области экологии, чтобы квалифицированно рассматривать экологические дела. Кроме того, из-за сложности экологических процессов и длительности необходимых экспертиз, сроки рассмотрения таких дел могут растягиваться, что затрудняет оперативное принятие решения и восстановление нарушенных прав граждан.

Еще одной проблемой является недостаточная осведомленность населения о своих правах в сфере экологии. В 2023 году на 1 000 обращений граждан по экологическим вопросам только 15 % дел доходили до судебных разбирательств, а остальные заканчивались административными мерами или урегулированием конфликта на уровне властей.

Помимо этого, по данным Российского Союза Строителей, более 60 % случаев загрязнения окружающей среды связаны с деятельностью промышленных предприятий, и эти предприятия, как правило, оказывают значительное давление на органы экологического надзора и суда, что иногда приводит к тому, что решения судов принимаются в их пользу. [9, с. 65]

Для повышения эффективности судебной защиты экологических прав граждан в России необходим комплексный подход, включающий реформу судебной системы, развитие экологического мониторинга, совершенствование законодательства и активное участие гражданского общества. В последние годы количество экологических дел в судах значительно возросло. В 2024 году в российских судах было рассмотрено около 4 500 дел, связанных с нарушением экологических прав граждан, что составляет около 10 % от общего количества гражданских исков. Из них более 30 % касались загрязнения воздуха, воды и почвы, около 18 % — ущерба, нанесенного экосистемам, и порядка 25 % — загрязнения строительными отходами. Среднее время рассмотрения

таких дел составляет от 3 до 12 месяцев, что указывает на сложность подобных процессов и необходимость внедрения новых механизмов их рассмотрения. [10, с. 103]

Одной из ключевых проблем является недостаточная квалификация судей в области экологии. В отличие от уголовных и административных дел, разбирательства, связанные с нарушением экологических прав, требуют привлечения специализированных знаний в области природоохранного законодательства, химии, биологии, географии и инженерии. На сегодняшний день в России действует менее 20 учебных программ, направленных на повышение квалификации судей в сфере экологического права. В 2023 году только 12 % судей прошли дополнительные образовательные курсы, касающиеся экологической экспертизы и судебных механизмов защиты окружающей среды. Для сравнения, в странах Европейского Союза этот показатель составляет около 40 %. Для устранения этого пробела необходимо ввести обязательные курсы повышения квалификации для судей, рассматривающих экологические дела, а также разработать учебные программы, ориентированные на изучение современных методов экологического мониторинга и правоприменительной практики. [11, с. 72]

Кроме подготовки судей важную роль играет развитие системы экологического мониторинга и экспертизы. В настоящее время в России действует около 250 государственных лабораторий, занимающихся анализом загрязнения окружающей среды. Однако только 60 % из них оснащены современным оборудованием, позволяющим выявлять концентрацию вредных веществ с точностью до 0,001 мг/м³. В 2024 году в 72 % экологических дел возникала необходимость в проведении дополнительных экспертиз, что существенно увеличивало сроки судебного разбирательства. Для сравнения, в Германии средний срок получения экспертного заключения по экологическому делу составляет 30 дней, тогда как в России он достигает 90–120 дней. В результате истцы нередко сталкиваются с проблемой устаревания данных, поскольку загрязнения могут изменяться со временем. Для решения этой проблемы необходимо инвестировать в модернизацию лабораторий, а также внедрять автоматизированные системы мониторинга, которые позволят фиксировать превышения предельно допустимых концентраций вредных веществ в режиме реального времени.

Совершенствование законодательства также играет важную роль в повышении эффективности судебной защиты экологических прав. В последние годы были приняты изменения в статьи 46 и 79 Гражданского процессуального кодекса РФ, которые упростили порядок подачи исков в защиту экологических прав. Однако на практике истцы продолжают сталкиваться с бюрократическими сложностями. Например, в 2023 году 38 % исков по экологическим нарушениям были отклонены из-за недостаточной доказательной базы, поскольку действующие нормы требуют предоставления точных данных о причиненном вреде, что без проведения экспертизы сделать не-

возможно. В связи с этим необходимо разработать новые механизмы, которые позволят истцам использовать данные государственных систем мониторинга без необходимости их повторного подтверждения в рамках судебного процесса. Также требуется уточнение норм, касающихся возмещения экологического ущерба. В 2024 году средний размер компенсации по экологическим искам составил 2,8 млн рублей, однако лишь 45 % этих выплат были исполнены в полном объеме. Для сравнения, в США коэффициент исполнения судебных решений по экологическим делам достигает 85 %. Это говорит о необходимости введения жестких санкций за уклонение от уплаты компенсации, включая увеличение штрафных санкций и введение уголовной ответственности для руководителей предприятий, допустивших экологические нарушения. [12, с. 129]

Одним из возможных решений проблемы затяжных судебных разбирательств и недостаточной квалификации судей является создание специализированных экологических судов. На сегодняшний день такие суды успешно функционируют в 12 странах, включая Китай, Индию и Францию. В Китае, например, действует более 300 экологических судов, которые рассматривают свыше 80 000 дел в год. В результате средний срок рассмотрения дела сокращается до 45 дней, а уровень исполнения решений превышает 90 %. В России создание специализированных судов позволило бы сосредоточить рассмотрение экологических дел в руках судей, обладающих достаточной квалификацией, а также обеспечить более оперативное рассмотрение исков. Однако внедрение такой системы требует значительных финансовых вложений. По оценкам экспертов, создание одного специализированного суда обойдется в сумму от 500 млн до 1 млрд рублей, включая затраты на подготовку кадров, техническое оснащение и организацию экспертных лабораторий. В связи с этим возможно внедрение пилотных проектов в регионах, наиболее подверженных экологическим проблемам, таких как Красноярский край, Челябинская область и Москва, где фиксируется наибольшее количество экологических нарушений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — М.: Издательство «Юрист», 2022. — с. 42.
2. Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». — М., 2023. — с. 98.
3. Федеральный закон № 39-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». — М., 2022. — с. 112.
4. Федеральный закон № 308-ФЗ «О судебной защите прав и законных интересов граждан и организаций в области экологической безопасности». — М., 2012. — с. 77.
5. Куринный, В. В. Экологическое право: теория и практика судебной защиты прав граждан. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. — с. 122.
6. Смирнов, А. П. Судебная практика по делам, связанным с охраной окружающей среды. — М.: Статут, 2023. — с. 135.
7. Петров, И. Н. Экологическое правосудие: международный опыт и российская практика. — Казань: Издательство Казанского университета, 2022. — с. 148.
8. Захаров, Е. С. Экологические преступления: проблемы выявления и судебного преследования. — Екатеринбург: УрО РАН, 2021. — с. 94.

Помимо институциональных изменений, важную роль играет участие гражданского общества в судебной защите экологических прав. В 2024 году около 15 % исков по экологическим вопросам подавались общественными организациями, такими как «Гринпис Россия» и «Экологическая вахта». Однако в 2023 году только 22 % россиян знали о своих правах в области защиты окружающей среды, тогда как в странах Евросоюза этот показатель составляет 65 %. Для повышения осведомленности граждан необходимо развивать программы экологического образования, а также упрощать процедуру подачи коллективных исков. В 2024 году только 8 % экологических дел рассматривались в формате коллективных исков, несмотря на то что этот механизм позволяет снизить финансовую нагрузку на истцов и повысить вероятность успешного разбирательства.

В целом перспективы улучшения судебной защиты экологических прав граждан в России связаны с комплексным подходом, включающим повышение квалификации судей, развитие системы экологического мониторинга, совершенствование законодательства, создание специализированных судов и активное участие гражданского общества. Внедрение этих мер позволит сократить сроки рассмотрения экологических дел, повысить уровень их исполнения и обеспечить эффективную защиту прав граждан на благоприятную окружающую среду. [9, с. 142]

Подводя итог, судебная защита экологических прав граждан является важным элементом охраны окружающей среды и обеспечения права каждого гражданина на безопасную и здоровую среду обитания. Несмотря на существующие законодательные и институциональные достижения, судебная практика сталкивается с рядом проблем, таких как нехватка специалистов, сложность установления причинно-следственных связей и влияние бизнеса на судебные решения. Однако с развитием системы экологического мониторинга, совершенствованием судебных практик и законодательства, а также обучением специалистов можно ожидать улучшения защиты экологических прав граждан в России.

9. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году». — М.: Минприроды России, 2024. — с. 256.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с охраной окружающей среды» от 25 апреля 2023 года. — М.: Верховный Суд РФ, 2023. — с. 34.
11. Лебедев, Ю. А. Экологическое законодательство и его применение в судебной практике. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2022. — с. 107.
12. Материалы международной конференции «Экологические права человека и судебная практика» (Москва, 2023 г.). — М.: Российская академия правосудия, 2023. — с. 182.

Правовые разрешения и предотвращения корпоративных конфликтов

Пак Юлия Михайловна, студент

Дальневосточный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются корпоративные конфликты как важная проблема в современном мире, их причины, последствия и методы разрешения. Выделены основные типы корпоративных споров, включая конфликты между участниками, органами управления и самой корпорацией.

Подчеркивается значимость превентивных мер, таких как распределение обязанностей и разработка корпоративного договора. Кроме разрешения споров в судебном порядке, также рассматриваются альтернативные методы разрешения споров, такие как медиация и арбитраж, позволяющие избежать судебных разбирательств.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, споры, управление конфликтами, медиация, арбитраж, превентивные меры, корпоративный договор, судебные разбирательства, участники, урегулирование споров, соглашение сторон, права и обязанности, разрешение конфликтов, судебный порядок, досудебный порядок, общество с ограниченной ответственностью, юридическое лицо, урегулирование споров.

В современном мире ведение бизнеса всегда сопровождается наличием больших рисков, которые нужно детально изучить для минимизации финансовых потерь. Таких рисков огромное множество и одним из них являются корпоративные споры.

Корпоративные конфликты представляют собой одну из наиболее актуальных и сложных проблем, затрагивающих всех участников компании. В условиях развивающейся экономики, где конкуренция становится все более жесткой количество споров между акционерами, руководством и другими заинтересованными сторонами неуклонно растет.

Корпоративные конфликты чаще всего возникают из-за расхождений в интересах между участниками бизнеса, как на стадии создания компании, так и в процессе ее функционирования.

Главные причины возникновения таких конфликтов можно отнести к недостатку коммуникации, недопонимание, неправильное распределение полномочий и какие — либо внутренние преобразования, нововведения. Правильное взаимодействие между учредителями и партнерами значительно снижает риск споров.

Последствия таких конфликтов могут быть серьезными: потеря репутации, значительные финансовые потери, ухудшение партнерских отношений, что в конечном счете ставит под угрозу само существование бизнеса. И в таком случае для эффективного разрешения конфликтов

важно использовать не только традиционные судебные разбирательства, но и альтернативные методы, такие как медиация.

Кроме того, избежать конфликт возможно путем четкого распределения обязанностей и открытого диалога. Это требует от руководства применения навыков управления конфликтами и юридического регулирования для минимизации негативных последствий.

Многие споры решаются через судебные инстанции, что не всегда является оптимальным вариантом из-за длительного процесса и высоких затрат. В целом, предпочтение стоит отдавать миру, и именно переговоры могут привести к конструктивному разрешению конфликта, даже если первая инстанция не принесла желаемых результатов. Использование арбитража также является распространенным методом, особенно когда речь идет о крупных или сложных корпоративных спорах [9].

Важным аспектом является готовность участников бизнеса к ведению конструктивного диалога. Доверие и понимание между партнерами служат основой для решения разногласий до их эскалации. Эффективное разрешение корпоративных споров требует не только юридических знаний, но и управления человеческими ресурсами и коммуникацией. Разработка внутренней политики, способствующей разрешению конфликтов, может включать различные принципы и техники разрешения споров, применимые в зависимости от конкретной ситуации.

Подводя итог, для успешного функционирования компании необходимо внимательно подходить к вопросам управления корпоративными конфликтами, обеспечивая сбалансированное распределение ответственности и активное взаимодействие между участниками. Применение альтернативных методов разрешения споров, ориентированных на сотрудничество, значительно увеличивает шансы на минимизацию потерь и сохранение стабильности в бизнесе.

Существует несколько типов корпоративных конфликтов. Сконцентрировавшись на типовых интересах участников корпорации, выделяют четыре основных типа корпоративных конфликтов:

- между корпорацией и ее участниками;
- между участниками корпорации;
- между органами управления корпорации и ее участниками;
- между органами управления корпорации.

Также выделяют горизонтальные (между сотрудниками одного уровня) и вертикальные (между руководством и подчиненными) конфликты.

В текущей реальности корпоративные конфликты — это неизбежная часть деловой жизни, однако их своевременное предупреждение и эффективное разрешение могут способствовать стабильности и успешному развитию компаний.

Корпоративные конфликты могут возникать по различным причинам, включая разногласия в управлении, защите и наследовании долей, вопросы собственности и т. д. [5].

Для предотвращения и разрешения корпоративных конфликтов можно использовать различные методы, такие как анализ ожиданий сторон, составление корпоративного договора, определение правил взаимодействия, разработка критериев оценки работы, юридическое структурирование корпоративной структуры бизнеса, корректировка организационной структуры, мотивации сотрудников и KPI. При необходимости в ходе разрешения корпоративного конфликта может потребоваться применение процедуры медиации.

Предупреждение и разрешение корпоративных конфликтов требует комплексного подхода и активного участия всех сторон. Только так можно создать здоровую и стабильную корпоративную среду, способствующую успешному развитию бизнеса.

Наиболее распространенным видом предотвращения конфликта является тщательная проработка положений устава. Устав — основной документ, на основании которого осуществляется вся деятельность компании.

В уставе следует проработать следующие положения:

- Установление порядка ознакомления с документами компании;

Общество обязано предоставить участникам доступ ко всем документам, перечень которых указан в ст.50 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Но также участник может запросить другие документы, если те указаны в уставе.

– Введение запрета на отчуждение доли. Выход из общества.

В уставе можно заблокировать право участников на отчуждение своих долей участникам или третьим лицам, а также установить запрет на выход из ООО.

При этом устав может содержать такие условия выхода, как необходимость получения согласия со стороны других участников ООО.

Если в уставе организации будет существовать механизм, сдерживающий произвольный выход из ООО, то желающие покинуть общество вынуждены будут искать возможности для отчуждения своей доли и, как следствие, договариваться.

- Дополнительные права участников.

Положение устава может предусматривать дополнительные права, которые могут распространяться как на одного какого-либо участника, так и на всех в целом.

- Ограничение на максимальный размер доли.

Определенную пользу может нести включение в устав данное положение. Эта норма должна быть применена ко всем без исключения участникам, т. к. установление подобных ограничений в отношении конкретного участника не допускается, в соответствии с п. 3 ст. 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Введение данного ограничения в устав поможет предотвратить скупку долей другими участниками с целью получения контроля над организацией. Это также не позволит третьим лицам приобрести долю в уставном капитале в необходимом им объеме. Если же будут осуществляться сделки по скупке долей с нарушением устава, такие операции могут быть оспорены.

Для изменения или отмены положения о максимальном размере доли необходимо внести изменения в устав, что требует единогласного решения всех участников.

Очевидно, что заинтересованные участники не допустят этого. В результате другой стороне остается лишь возможность мирного разрешения конфликта или использование неправомерных методов корпоративной борьбы, что всегда связано с рисками и может привести к затяжным спорам.

Таким образом, мы можем сказать, что устав организации может служить важным инструментом для минимизации рисков, связанных с рейдерским захватом или корпоративными конфликтами. Правильно составленный устав может включать положения, которые ограничивают возможность скупки долей, устанавливают правила управления и принятия решений, а также защищают права участников. Это может помочь предотвратить конфликты и обеспечить стабильность в управлении компанией. Однако важно помнить, что устав должен быть юридически обоснованным и соответствовать действующему законодательству, чтобы эффективно выполнять свои функции защиты.

Если говорить о методах разрешения конфликтов, то в современном деловом окружении наиболее актуальными становятся внесудебные методы разрешения

корпоративных конфликтов. Такие методы, как переговоры, медиация и другие альтернативные подходы, позволяют сторонам достигать соглашений без обращения в суд. Эти методы характеризуются высокой скоростью и эффективностью, что делает их привлекательными для многих компаний. В частности, внесудебное урегулирование способствует сохранению конфиденциальности и репутации сторон, что особенно важно для бизнеса.

Для предотвращения корпоративного конфликта условно можно использовать два подхода: превентивные меры и меры, применяемые уже после возникновения спора. Превентивные меры заключаются в четком определении прав и обязанностей каждой стороны, а также процедур решения спорных вопросов. Помимо устава, ключевым инструментом превентивного регулирования является корпоративный договор. Этот договор позволяет участникам (или некоторым из них) заранее согласовать порядок реализации своих корпоративных прав, включая голосование на общих собраниях, управление компанией, куплю-продажу долей или акций (с указанием цены или условий сделки), а также ограничение на отчуждение долей/акций до наступления определенных обстоятельств (ст. 67.2 ГК РФ).

Также если корпоративный конфликт уже возник, помимо прочих способов его внесудебного решения, можно рассмотреть выход одного из участников из общества или обратиться к процедуре медиации.

В случае выхода участника из юридического лица его доля переходит к юридическому лицу. При этом общество обязано выплатить вышедшему из общества участнику общества действительную стоимость его доли в уставном капитале общества, или с согласия этого участника общества выдать ему в натуре имущество такой же стоимости либо в случае неполной оплаты им доли в уставном капитале общества действительную стоимость оплаченной части доли. Таким образом, выход из хозяйственного общества позволяет уйти от конфликтной ситуации, изъять из ООО денежные средства или даже активы [7].

Говоря о медиации, то она представляет собой альтернативную процедуру урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений. Предметом регулирования являются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений.

Результатом урегулирования спорных вопросов между сторонами является медиативное соглашение. Медиативное соглашение исполняется посредством двух способов:

1. Медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Удостоверенное нотариально медиативное соглашение имеет силу исполнительного листа.

2. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения.

Стоит отметить, что в правоприменительной практике встречаются различные варианты урегулирования корпоративных споров посредством медиации (и вопросы распределения дивидендов, и вопросы ликвидации компании). Однако, большинство указанных споров, в конечном итоге, оказывается в суде по причине неисполнения медиативного соглашения. Наиболее распространенным способом разрешения корпоративного конфликта между сторонами является подача участниками исков.

Если досудебное урегулирование корпоративного спора не удалось, то любая из сторон может обратиться в суд. Участник, например, вправе оспорить решение других участников, взыскать убытки, оспорить сделки и т. д. Иск должен быть обоснован и подкреплён доказательствами для принятия судом взвешенного решения. Судебное решение, вынесенное государственным, а не третейским судом, может быть обжаловано в вышестоящей инстанции.

Корпоративные споры относятся к сложным экономическим делам, и их разрешение зависит от множества факторов: федерального законодательства, специфики конфликта и содержания учредительных документов.

Таким образом, мы можем сказать, что корпоративные конфликты представляют собой сложные и многогранные явления, которые могут существенно повлиять на функционирование и устойчивость бизнеса. Увеличение числа споров в сфере корпоративного права, зафиксированное в последние годы, подчеркивает необходимость разработки и внедрения эффективных механизмов разрешения конфликтов.

Важно отметить, что как судебные, так и внесудебные методы имеют свои преимущества и недостатки, и выбор подхода должен основываться на конкретных обстоятельствах дела.

Следует также отметить, что судебные разрешения споров, хотя и являются традиционными, часто сопровождаются длительными процессами и значительными затратами. Однако они могут обеспечить формальную защиту прав сторон и создать прецеденты, которые будут полезны в будущем.

В то же время внесудебные методы, такие как медиация и арбитраж, становятся все более популярными благодаря своей гибкости и возможности быстрого разрешения споров. Эти методы позволяют сторонам сохранить деловые отношения и избежать негативных последствий, связанных с судебными разбирательствами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.
5. Беляев Д. А. Интересы акционерного общества и понятие недобросовестности директоров // Законы России. — 2016. — № 5.
6. Лубенец В. В. Корпоративный конфликт как вид юридического конфликта: понятие и причины возникновения // Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 2.
7. Исаков А. С. Правовые способы разрешения и предотвращения корпоративных конфликтов // Право и управление. — 2024. - № 6.
8. Королев А. С. Корпоративные конфликты и правовые способы их разрешения // Журнал для акционеров. — 2017. — № 8.
9. Шиткина И. С. Корпоративное право // М.: Кнорус. — 2011. — 147с.

Историческое развитие понятия гражданско-правового договора в цивилистической науке

Пиленкова Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В представленной статье дан обзор основных этапов развития понятия гражданско-правового договора в цивилистической науке.

Ключевые слова: юридическая ответственность, гражданское право, договор, гражданско-правовой договор.

Гражданско-правовой договор является фундаментальной категорией правовой науки, регулирующей имущественные и личные неимущественные отношения. Несмотря на его повсеместное применение, единое определение и концепция договора не сложились, что обусловлено различиями в правовых системах и историческим развитием данной правовой категории.

Термин «договор» имеет древние корни и использовался еще в римском праве, где договоры классифицировались на четыре группы: *res, verba, litterae* и *consensus* [1, с. 124]. В римском праве договор рассматривался как способ объективирования воли сторон, который требовал соблюдения строгих формальностей. Например, договор *pactum*, заключаемый с использованием меди и весов, был признан действительным только при выполнении определенных ритуалов.

С развитием хозяйственной жизни и расширением территории Римского государства, формы договоров становились более гибкими. Наряду с формализованными договорами появились неформальные контракты, такие как стипуляция, письменные контракты и консенсуальные договоры, что отражало эволюцию правового регулирования в ответ на потребности экономики и общества.

В средневековой Европе юристы XI–XV веков уделяли внимание договорному праву, пытались сформулировать целостную теорию договора. Однако единое понятие договора ими так и не было выработано.

В период XI–XV веков западноевропейские юристы активно изучали договорное право, стремясь создать целостную теорию договора. В это время правовые системы начали формироваться под влиянием римского права, и многие аспекты договорного права были заимствованы из Дигест Юстиниана. Однако, несмотря на значительный интерес к данной области, единого понятия договора выработано не было.

Средневековые правоведы признавали и формальные, и неформальные соглашения, что отличалось от римского подхода, где обязательственные отношения могли возникать только из формализованных договоров. Эта эволюция отразила изменения в социальных и экономических условиях, требующие более гибких и адаптируемых правовых механизмов для регулирования имущественных отношений.

В Новое время философы, такие как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо, рассматривали договор не только как правовой инструмент, но и как философскую

основу для возникновения государства и общественного порядка.

Томас Гоббс утверждал, что государство возникает из договора между людьми, желающими избежать естественного состояния «войны всех против всех». Гоббс считал, что путем заключения общественного договора люди передают часть своих прав суверену в обмен на защиту и установление порядка [2, с. 26].

Джон Локк, напротив, утверждал, что общественный договор направлен на защиту естественных прав человека, таких как жизнь, свобода и собственность. Локк полагал, что государство должно действовать на основании согласия управляемых и обеспечивать защиту их прав [3, с. 211].

Жан-Жак Руссо рассматривал договор как средство создания политического сообщества, основанного на общей воле. По мнению Руссо, общественный договор позволяет создать коллективную волю, направленную на достижение общего блага [4, с. 20].

Фридрих Ницше в своей работе «Человеческое, слишком человеческое» подчеркивал, что без договора нет права [6, с. 54]. По мнению Ницше, право возникает там, где человек способен связать себя обязательством. Это подразумевает наличие «памяти воли», которая позволяет человеку распоряжаться не только настоящим, но и будущим. Внешним выражением этой памяти воли служит договор, который становится фундаментом правовых отношений.

Фридрих Карл фон Савиньи, основываясь на диалектическом методе, определял договор как двустороннюю сделку, где волеизъявления сторон совпадают [6, с. 14].

Современное российское законодательство определяет договор как соглашение двух или более лиц об установ-

лении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ [7]). Аналогичные определения содержатся в гражданских кодексах Украины, Азербайджана и других стран.

В странах с англо-американской правовой системой договор определяется как обещание или ряд обещаний, нарушение которых дает основание для иска. Это отражает облигационную теорию, где договор рассматривается как обязательство сторон, подкрепленное правом.

К настоящему времени в российской цивилистике выработано как минимум 6 подходов к пониманию договора:

- 1) соглашение;
- 2) сделка;
- 3) юридический факт;
- 4) правоотношение (обязательство);
- 5) документ;
- 6) правовой акт.

В российской правовой доктрине доминирует консенсусная теория, где договор понимается как соглашение сторон, выражающее их взаимную волю. Некоторые ученые, такие как И. В. Бекленищева, отстаивают теорию договора как обещания [8, с. 120], однако фактически она не отличается от теории соглашения. Актовая теория, поддерживаемая Ш. В. Калабековым, рассматривает договор как правовой акт, устанавливающий обязательства для его участников [9, с. 7]. Эта теория получила отражение в трудовом законодательстве, где коллективный договор определяется как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения.

У каждого из подходов есть как преимущества, так и недостатки. Представляется, что вопрос выработки универсального и единообразного понятия договора будет еще долго одной из актуальных задач цивилистики.

Литература:

1. Новицкий И. Б. Римское право: Учебник для вузов. М.: ИКД Зерцало-М, 2008. — 298 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М.: Азбука, 2022. — 704 с.
3. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Соч. в 3-х т. Т.1. / Пер. с англ. А. Н. Савина. / Под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. — 621 с.
4. Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. — М.: Юрайт, 2023. — 147 с.
5. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2-х т. Т.1. / Пер. С. Л. Франка. М., Мысль, 1990. — 833 с.
6. Савиньи Ф. К. Обязательственное право: Пер. с нем. СПб.: Юрид. центр пресс, 2004. — 576 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
8. Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. — М.: Статут, 2006. — 204 с.
9. Калабеков Ш. В. Договор как универсальная правовая конструкция: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 32 с.

Договор в гражданском праве Российской Федерации: вопросы теории и правоприменительной практики

Пиленкова Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические аспекты договорного права, анализируются основные принципы и особенности заключения, изменения и расторжения договоров, а также проблемы правоприменительной практики, связанные с реализацией договорных обязательств.

Ключевые слова: договор, гражданское право, обязательственное право, правоприменительная практика, судебная практика, Гражданский кодекс РФ.

The contract in the civil law of Russian Federation: issues of theory and law enforcement practice

Pilenkova Elena Dmitrievna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the theoretical aspects of contract law, analyzes the basic principles and features of concluding, amending and terminating contracts, as well as the problems of law enforcement practice related to the implementation of contractual obligations.

Keywords: contract, civil law, law of obligations, law enforcement practice, judicial practice, Civil Code of Russian Federation.

Договор как правовой институт занимает центральное место в системе гражданского права России. Он выступает основным инструментом регулирования отношений между участниками гражданского оборота, обеспечивая баланс интересов сторон и стабильность экономических отношений [3, с. 7]. В условиях развития рыночной экономики и усложнения хозяйственных связей вопросы теории и практики применения договорного права приобретают особую актуальность.

Согласно статье 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1], договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Договор обладает следующими признаками, такими как:

- свобода договора (ст. 421 ГК РФ), которая предполагает возможность сторон самостоятельно определять условия договора, за исключением случаев, предусмотренных законом;
- равенство сторон, что является одним из основополагающих принципов гражданского права;
- взаимность обязательств, выражающаяся в том, что каждая сторона имеет как права, так и обязанности.

ГК РФ предусматривает множество видов договоров.

Консенсуальный договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения, то есть когда они приходят к взаимному компромиссу и принимают единое решение, удовлетворяющее обе стороны.

Реальный договор, в свою очередь, считается заключенным только в момент передачи определенного имущества или вещи. Примером такого договора может служить договор займа или перевозки груза.

Кроме того, в зависимости от характера взаимодействия сторон договоры делятся на возмездные и безвозмездные.

Примером такого договора может выступать договор дарения или договор безвозмездного пользования имуществом (ссуда). В качестве иллюстрации также можно привести договор займа, поскольку в нем обязанности возлагаются исключительно на заемщика.

Двусторонний договор характеризуется тем, что каждая из сторон (двух или более) обладает как правами, так и обязательствами. Большинство гражданско-правовых договоров имеют признаки двустороннего договора. Например, к таким договорам относятся договор купли-продажи, договор подряда и другие аналогичные соглашения.

Публичный договор представляет собой соглашение, в котором одной из сторон выступает предприниматель или организация, осуществляющая предпринимательскую деятельность [2, с. 15]. Такая сторона обязана заключать договор с любым лицом, которое к ней обратится. К сферам, где применяются публичные договоры, относятся розничная торговля, перевозки общественным транспортом, услуги связи, энергоснабжение, медицинское и гостиничное обслуживание, а также иные виды деятельности, прямо указанные в законодательстве.

Основными принципами договорного права в России являются:

- свобода договора;
- добросовестность сторон;
- недопустимость произвольного вмешательства в частные дела;
- необходимость исполнения обязательств в соответствии с условиями договора и требованиями закона (ст. 309 ГК РФ) [4, с. 177].

На практике возникают сложности, связанные с определением момента заключения договора, особенно в слу-

чаях, когда стороны используют электронные средства связи. Вопросы о действительности электронной подписи и соблюдении формы договора остаются актуальными.

Судебная практика показывает, что споры о расторжении договоров часто связаны с нарушением одной из сторон своих обязательств. При этом суды руководствуются принципом соразмерности и справедливости, учитывая как интересы сторон, так и требования закона [5].

Одной из наиболее сложных проблем является толкование условий договора. Согласно ст. 431 ГК РФ, при толковании суд должен учитывать буквальное значение слов и выражений, а также цели договора и принцип добросовестности. Однако на практике это не всегда удается, что приводит к неоднозначным судебным решениям.

Вопросы взыскания убытков, неустоек и иных форм ответственности за нарушение договорных обязательств остаются одними из самых дискуссионных. Судебная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению

требований к доказательственной базе при взыскании убытков [5].

С развитием цифровых технологий и глобализацией экономики договорное право России сталкивается с новыми вызовами. К ним относятся:

- использование смарт-контрактов и блокчейн-технологий;
- увеличение числа трансграничных договоров и связанные с этим вопросы применимого права;
- развитие законодательства в области защиты прав потребителей и антимонопольного регулирования.

Таким образом, договорное право России продолжает развиваться, адаптируясь к изменениям в экономике и обществе. Теоретические основы договора, заложенные в ГК РФ, остаются актуальными, однако правоприменительная практика требует дальнейшего совершенствования. Важным направлением является унификация судебной практики и внедрение современных технологий в договорные отношения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
2. Акишев Т. Т. Публичный договор как механизм ограничения свободы договора // Студенческий вестник. — 2024. — № 2–4(288). — С. 14–18.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2011. — 476 с.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 377 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. № 4.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 36 (587) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.09.2025. Дата выхода в свет: 24.09.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.